

В. Каверин
Ночной сторож,
или
Семь занимательных
историй,
рассказанных в городе
Немухине
в тысяча девятьсот
неизвестном
году

Вениамин Александрович Каверин
Ночной сторож, или
Семь занимательных
историй, рассказанных в
городе Немухине в тысяча
девятьсот неизвестном году
Серия «Наша марка
(Детская литература)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7418060

*Ночной Сторож, или Семь занимательных историй, рассказанных
в городе Немухине в тысяча девятьсот неизвестном году: Эксмо;*

Москва; 2017

ISBN 978-5-08-005658-1

Аннотация

Цикл романтических сказок, написанных Вениамином Кавериным в разные годы и объединенных в повесть, — о воспитателе, превращенном в Песочные Часы; о Великом Завистнике, носившем пояс, чтобы не «лопнуть от зависти»; о бывшей Снегурочке Настеньке, отличительной чертой которой

были легкие шаги, и о других удивительных жителях и гостях города Немухина.

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Городок Немухин	7
Сын стекольщика	21
Мария Павловна бежит за горчицей	21
«Видеть тех, кто тебя не видит, – в этом есть своя прелесть»	31
Бронзовая статуэтка	35
Странствующий рыцарь	39
«Госпожа Ольоль, вы опять похорошели»	42
Тропинка, с которой свернуть невозможно	45
На берегу Ропотамо	50
«Мы должны остаться вдвоем: я и твоя мама»	54
Зеркало души	57
Мария Павловна покупает горчицу	60
Корочка хрустит	62
Слепой дождь	65
Обсуждаем первую сказку и находим вторую	68
Немухинские музыканты	74
Радуга в гостях	74
Бамм! Бамм!	79
Скучная тайна	81
«Где же музыканты?»	83
Разноцветный оркестр	85
В кустах бузины	88

«Как бы мне ее подцепить?»	93
Плачут ли феи?	97
Это интересно потому, что это действительно интересно	100
Салфет вашей милости	104
Иван Гильдебранд	109
Конец ознакомительного фрагмента.	113

**Вениамин
Александрович Каверин
Ночной Сторож, или
Семь занимательных
историй, рассказанных в
городе Немухине в тысяча
девятьсот неизвестном году**

© Каверин В. А., наследники, 1981

© Юдин Г. Н., иллюстрации, 1982

© Оформление серии. АО «Издательство „Детская литература“», 2017

* * *

Городок Немухин

Чего только не говорят о Немухине! Говорят, например, что у каждого командировочного начинает звенеть в левом ухе, когда он приезжает в этот город, и так и звенит, пока он не управится со своими делами. Говорят, что в Комиссионном Магазине продаются Ковры-вертолеты. И, наконец, говорят, что самым большим влиянием в городе пользуется бывший Леший Трофим Пантелеевич, с блеском закончивший Институт Усовершенствования Леших и Домовых.

Как ни странно, все это почти правда или, по меньшей мере, похоже на правду. Командировочные утверждают, что у них действительно звенит в ухе, но не в левом, а в правом. Ковры-вертолеты продаются, и даже новейшей конструкции, с шелковыми парусами. Трофим Пантелеевич как жил, так и живет в роще недалеко от Поселка Любителей Чистого Воздуха, и в его жизни ничего не изменилось, кроме того, что недавно он купил новый тулуп.

Конечно, многое может показаться невероятным. Неужели, например, Великий Завистник действительно превратил Таню Заботкину в сороку? Представьте себе, превратил! Неужели аптека «Голубые Шары» действительно прилетела за своим Лекарем-Аптекарем в Немухин? Представьте себе, прилетела! Неужели в газете «Немухинский голос» появилось объявление: «Для строительства воздушного замка

нужны летающие мальчики»? Появилось, и я читал его своими глазами.

Однако нельзя отрицать, что Немухин остался, что называется, белым пятном на географической карте, и эта несправедливость глубоко огорчала дядю Костю, в особенности когда, выйдя на пенсию, он вернулся в родной городок. Он был клоуном, и не каким-нибудь, а музыкальным, умеющим играть на контрабасе, флейте, кларнете и скрипке, не говоря уже о ложках и барабане.

Правда, его фамилия была Лапшин, а не Попов, но он считал, что в некотором роде он даже выше Попова. Неизвестно, например, любит ли знаменитый Попов совать нос в чужие дела? А дядя Костя любил – это называлось у него поразматься. Неизвестно, как он узнавал, что кому-нибудь нужно помочь, но узнавал, и почти всегда без ошибки. Только однажды он пришел к старушке с хитроумным, собственного изобретения костылем и получил этим костылем по шее, потому что ногу сломала другая старушка.

Даже клоуны, выйдя на пенсию, начинают скучать. Заскучал и дядя Костя. Только по воскресеньям, когда к нему во двор набирались ребята и он жонглировал ложками, играя одновременно на барабане, у него не сосало под ложечкой. Прочие шесть дней – сосало, да так, что он не находил себе места. Кончилось это тем, что он решил сунуть нос в городские дела, но не в практическом, а в историческом смысле.

Мне случалось навещать его, и должен сознаться, что

именно я посоветовал ему заняться Путеводителем, в котором – это было совершенно очевидно – нуждается Немухин.

В самом деле, туристы, да и не только туристы, должны были знать, когда построена Новая Пекарня и жив ли еще Ученый Садовод Башлыков. Важно было также объяснить, почему и при каких обстоятельствах немухинцы стали людьми самолюбивыми, постоянно думающими, как бы не ударить лицом в грязь, и не упускающими случая показать, что они ничем не хуже мухинцев – жителей соседнего городка, расположенного на другой стороне речки. Кстати, немухинцы называли ее Немухинкой, а мухинцы – Мухинкой.

Путеводитель – сложное дело, в особенности для бывшего клоуна, и не скрою, что именно я намекнул, что прежде всего ему должны помочь старожилы. Сестры Фетяска, например, были старше его лет на пятнадцать, могли ли они рассказать ему о чем-нибудь истинно немухинском и в то же время значительном с исторической точки зрения? Конечно, могли. Но прежде чем посоветоваться с ними, дядя Костя с большим блокнотом под локтем отправился в Городской Музей.

К сожалению, Музей был закрыт. «Санитарный день», – гласила надпись на входной двери. Но по самой этой надписи, выгоревшей и грязной, было ясно, что санитарный день затянулся по меньшей мере на полгода, и, заглянув в окно, дядя Костя убедился в этом. Пол был усеян бумагами. Экспонаты – так называются предметы, выставляемые на обо-

зрение, – не стояли, а валялись на полках: череп доисторического человека (очевидно, одного из первых обитателей Немухина) рядом с подозрной трубой, керосиновая лампа-молния рядом с кочергой, которой, очевидно, было не место в Музее.

Дядя Костя позвонил в Музей – и ничего, кроме звонка, не услышал. Деликатно постучав в дверь рукой, он, помедлив, менее деликатно постучал ногой. Тишина. Ничего не оставалось, как пойти в Отдел Охраны Памятников Старины и спросить, в чем, собственно, дело?

Не стану рассказывать о том, как через какие-нибудь две недели дядя Костя стал Директором Музея. В течение этих двух недель его уговаривали сперва Отдел Охраны Памятников Старины, потом Старый Трубочный Мастер, потом Горсовет, потом сестры Фетяска, потом вновь Горсовет. Напрасно он уверял, что никогда ничего не собирал, кроме марок – и то в детстве. Напрасно доказывал, что не в силах просидеть целый день среди предметов старины, не выкинув какое-нибудь сальто-мортале – так некогда назывался смертельно опасный акробатический номер.

– Это хорошо, это прекрасно, что вы – бывший клоун, – возражали ему. – Мы как раз искали не просто порядочного человека, но человека искусства. Не забывайте, что вы – коренной немухинец и, значит, просто обязаны оказать родному городу эту услугу. Кроме того, как пенсионер, вы, оче-

видно, скучаете?

– Скучаю.

– Ну вот, а с нашим Музеем не соскучишься!

И когда он наконец согласился, ему рассказали, что последним Директором Музея был некий Лука Лукич Мыло, подозрительная личность, очевидно связанная с нечистой силой. Именно он однажды вывесил у подъезда надпись «Санитарный день», а с черного хода стал продавать старые ковры, люстры и мебель. Конечно, его отдали под суд, но он куда-то сбежал или даже улетел, потому что его, по слухам, видели летящим над городом по направлению к югу.

Поначалу дела пошли недурно. Вместо надписи «Санитарный день» дядя Костя вывесил новую: «Санитарные сутки». Он надеялся навести порядок в Музее в течение суток. И может быть, это удалось бы ему, если бы он не начал с полотняной старинной карты Индийского океана. Он снял ее со стены, чтобы вытереть пыльной тряпкой, и заметил на оборотной стороне – не стены, разумеется, а карты – любопытный рисунок.

Неизвестный художник изобразил обруч – в этом не было бы ничего особенного, если бы обруч был похож на те, которые бондари набивают на бочки для крепления досок. Но нет! Лента, свернувшаяся в большое кольцо, была обвита серебристой змеей, поднявшей узкую головку с опасно сверкающим взглядом. Змея как бы охраняла семь предметов, сто-

явших или лежавших на внутренней стороне кольца: подзорную трубу, старинный деревянный телефон, модель фрегата с раздутыми парусами, пушечку елизаветинских времен, лакированную шкатулку, музыкальную табакерку с черепаховой крышкой и медный самовар.

Но это было еще не все: в центре обруча живыми, сохранившимися красками был изображен высокий старик, запахнувший полу широкого плаща на плечо и снимающий перед зрителями конусообразную шляпу. Из-под плаща торчали костлявые ноги, длинные руки, а лицо... Огромный, озорной, самолюбивый нос был воткнут между морщинистых щек, упрямые губы над острым подбородком как будто говорили: «Я – это я, и прошу вас с этим считаться». По задумчивым, гордым глазам можно было, пожалуй, вообразить... Но, не полагаясь на воображение, дядя Костя помчался к сестрам Фетяска.

Надо сказать, что Фетяска – старинная фамилия, заставляющая думать, что сестры были родом из Румынии. Но на самом деле они родились в Немухине, из которого выезжали редко, а выходили часто, особенно осенью, когда в роще за Немухинкой появлялись подберезовики – они любили грибы.

Фекла Никитична хозяйничала, а Зоя Никитична с утра до вечера раскладывала пасьянсы.

Кроме грибов, они были любительницами кофе, и не ка-

кого-нибудь, а турецкого, который варился в медных кастрюльках с мудреным названием. Прежде чем снять кастрюльку с огня, надо было произнести мусульманское заклинание.

И дядя Костя, едва войдя, немедленно получил свою чашечку кофе. Однако, пригубив ее и сказав, как всегда: «Умопомрачительно!» – он, не теряя времени, развернул карту Индийского океана сперва с лицевой стороны, а потом с обратной, и сестры, вооружившись очками, ахнули, оцепенели от изумления и заговорили почему-то по-французски.

– Нил Сократович! – вернувшись к русскому, в один голос сказали они.

– А кто такой Нил Сократович?

– Ночной Сторож!

– Не может быть! Что же он так? В плаще и высокой шляпе?

– Да, он всегда именно так! Дядя Костя открыл блокнот...

А надо сказать, что, принимаясь за Путеводитель, дядя Костя составил план:

«1. История. Все достойные уважения путеводители начинались с истории.

2. Знаменитые здания, такие, например, как Новая Пекарня или аптека „Голубые Шары“.

3. Коренные жители, отлучавшиеся из города только по неотложным делам.

4. Командировочные, среди которых были Герои Социа-

листического Труда, академики и поэты».

– Подходит, – прочитав план, сказали сестры.

– Кто подходит?

– Нил Сократович.

– Почему?

– Потому что он был и историком, и коренным жителем, и командировочным, и хранителем знаменитых зданий.

– Каким же образом?

– Очень просто! Во-первых, он всегда рассказывал истории. Во-вторых, по совместительству работал ночным сторожем – и в Музее, и в аптеке, и в Новой Пекарне. В-третьих, он родился в Немухине и был увезен родителями, едва ему исполнилось два года, а в-четвертых – вернулся через пятьдесят лет, потому что его командировал как собственного корреспондента журнал «Новости науки и техники».

– Каким же образом он попал в ночные сторожа?

– Очень просто. Его уволили из журнала.

– Почему?

– А он послал корреспонденцию о том, что чучело на огороде ожило и запустило в ворону шляпой. Не поверили, чудачки.

– А почему уволили из ночных сторожей?

– Потому что он ночью спал, а днем рассказывал детям сказки.

– Где же он теперь?

– Неизвестно. Обиделся и ушел. Дядя Костя взглянул на

рисунок.

– И что же, он был так высок? Сестры снова поговорили по-французски.

– Скорее долговяз, – возвращаясь к русскому, объяснили они. – Неуклюж. Одному податному инспектору, прогуливавшему собаку, сказал, что у собаки человеческое лицо, а у него – собачье.

– Так прямо и сказал?

– Прямо. Он всегда говорил, что думал. И между прочим, первый уличил в воровстве Мыло.

– Какое мыло?

– Директора Музея, Луку Лукича.

– Уличил – и что же?

– Уволили!

– Кого?

– Конечно, Нила Сократовича. А Мыло уже потом, когда он окончательно проворовался.

– Интересно, – сказал дядя Костя, торопливо записывая в блокнот все, что ему рассказали. – А как вы думаете, почему Ночной Сторож нарисовал в обруче именно эти предметы: пушечку, фрегат, шкатулку, старинный телефон? И почему обруч обвит серебристой змеей? И почему...

Еще долго продолжались бы эти расспросы, если бы сестры не сказали одновременно:

– Не знаем!

Но когда дядя Костя, выпив еще одну чашечку душистого

кофе, простился, они посоветовали ему заглянуть к Старому Трубочному Мастеру.

– Во-первых, Нил Сократович часто заходил к нему, они были друзьями. А во-вторых, в нашем Немухине нет человека догадливее, чем Трубочный Мастер.

Тот, кто вообразил бы, что у Трубочного Мастера нет ни имени, ни отчества, ни фамилии, попал бы, как говорится, впросак. У него было два имени и хотя отчество – одно, фамилия тоже двойная. Но для немухинцев все его имена и фамилии давно потонули в трех словах: «Старый Трубочный Мастер».

...Самыми ценными считаются обкуренные трубки, поэтому в его маленьком домике всегда стоял дым – тот самый, о котором почему-то говорят «дым коромыслом». В этом дыму с трудом можно было различить хозяина, который сидел у станка, вытачивая очередную трубку.

Он очень боялся, что врачи запретят ему курить. На досщечке у ворот вместо: «Внимание! Злая собака!» – было написано: «Внимание! Врачам и даже членам Академии Медицинских Наук вход воспрещен!» Всех он спрашивал: «Простите, а вы случайно не врач?» И когда дядя Костя постучался и вошел, держа под локтем свернутую карту Индийского океана, он тоже начал было: «Простите, а вы случайно...»

Не стану передавать разговор между ними. Скажу только, что Трубочный Мастер попросил развернуть карту и пока-

зять загадочный рисунок. Он долго и с наслаждением смеялся, рассматривая изображение высокого старика в плаще, из-под которого торчали длинные костлявые ноги, а потом грустно задумался и шумно вздохнул.

– Это был... – начал он. – Впрочем, почему был? Я уверен, что мы его еще увидим... Это был удивительный человек! Вечно таскал с собой рваный портфель, набитый рукописями, и читал их вслух, просили ли его об этом или не очень просили. Самолубивый, обидчивый, добрый и всегда готовый все на свете перевернуть вверх ногами. Между прочим, он считал, что каждый человек в глубине души немного волшебник, но только очень немногие догадываются об этом. Помнится, он с математической точностью доказал мне, что директор Музея, который его уволил, – злой волшебник или даже, может быть, мелкий бес.

– Лука Лукич?

– Вы уже знаете! Причем из Немухина Нил Сократович не уехал, а ушел. Он не признавал ни поездов, ни самолетов, ни автобусов, ни даже велосипедов. Мечтал об осле. И кстати, не был бы собой, если бы не оставил загадки. Впрочем, ее легко разгадать. Подумайте сами, какое сходство между музыкальной табакеркой и моделью фрегата? Или между самоваром и старым телефоном? Дядя Костя подумал.

– Разница есть, – сказал он простодушно. – А сходства не вижу.

– А вам не приходило в голову, что в каждом из этих пред-

метов можно что-нибудь оставить на память? Если, скажем, он вел дневник, почему бы не положить одни страницы в старый телефон, а другие – в музыкальную табакерку?

– А он вел дневник?

Трубочный Мастер снова взглянул на рисунок.

– Кто знает? – сказал он. – Теперь вам, мне кажется, надо найти в Музее эти предметы и выяснить, не являются ли они, так сказать, средством упаковки. Ох, Нил! Никогда не забуду, как он держал со мной пари, что нашу речку можно перейти на ходулях.

– И выиграл?

– Нет, проиграл.

По-видимому, немухинцы до поры до времени махнули рукой на свой Музей, иначе они не сократили бы число его сотрудников до двух и даже одного.

Таким образом, дядя Костя оказался и старшим хранителем, и уборщицей, и сторожем ночным и дневным. Вот почему в первые дни своей работы он забыл и думать о загадочном обруче. И должно быть, долго не вспомнил бы, если бы случайно не оказался в Немухине и не заглянул в Музей.

Босой, голый до пояса, в подвернутых спортивных штанах, дядя Костя натирал пол, да так лихо, как будто всю жизнь был полотером.

– В описи значатся, – ответил он, когда я спросил его о семи предметах, вписанных в обруч. – А в наличии – нет.

Кроме подозрной трубы, через которую ничего не видно.

– А где она? Можно на нее взглянуть?

Подозрная труба, медная, позеленевшая, тяжелая, была раздвинута до предела – как будто нарочно, чтобы показать, на что она способна. Но, взглянув через нее из окна на открывавшийся за Немухинкой лесок, я убедился в том, что дядя Костя был прав: отразился, да и то неясно, только мой собственный глаз.

– А вы не пробовали ее разобрать?

Это было не так-то легко – развинтить трубу, которую кто-то свинтил тому назад лет двести. Но дядя Костя, полюбившись натертым полом, помог мне, и мы вдвоем кое-как справились с верхним узким отсеком, в котором ничего не оказалось, кроме толстого слоя пыли. Во втором, более широком, мы нашли большую мертвую муху, а третий, четвертый и пятый были наглухо забиты смятыми, исписанными листами бумаги.

– Ну, вот! Напрасно старались! – проворчал дядя Костя. Но я разгладил несколько страниц на колене и прочел:

«Между тем в Немухине все было бы хорошо, если бы решительно все не было плохо». Почерк был неразборчивый, некоторые страницы так скомканы, что, казалось, ни слова нельзя было прочесть. Тем не менее я аккуратно сложил их и сказал дяде Косте:

– Э, нет! Не напрасно!

Без сомнения, вы уже догадались, что Трубочный Мастер был прав: покидая город, Ночной Сторож оставил кое-что на память. И хотя самовар, модель фрегата и другие предметы только значились в описи, теперь стало ясно, что их нужно найти, потому что и они могли оказаться «средством упаковки», хотя более странную упаковку трудно было вообразить.

Так или иначе, до поры до времени надо было, конечно, заняться рукописью, которую мы нашли в подозрной трубе. Впрочем, дядя Костя потребовал, чтобы я свинтил трубу, а потом занялся рукописью, и хотя первая задача оказалась легче второй, пришлось провозиться до вечера, пока через протертые стекла я увидел на другой стороне Немухинки березовый лесок.

Светало, когда я с помощью сильной лупы прочитал измятые страницы. Было ли это потерянное время? Может быть, может быть! Тем более что иные строки, похожие на куриные следы, прочесть было невозможно, и мне пришлось самому придумать, что случилось, скажем, между страницей семнадцатой и двадцать второй. А между тем это стоило сделать: ведь случившееся раньше не могло случиться потом. Плохо было только одно: эта маленькая история не могла пригодиться для задуманного дядей Костей путевода. Немухинцы не нашли бы в ней ничего особенного, а туристы решили бы, что это просто сказка для детей или взрослых.

Сын стекольщика

Мария Павловна бежит за горчицей

В Немухине давно решено было построить Новую Пекарню. Старая отслужила свое, облупилась, закоптела и – это было самое главное – перестала выпекать черный домашний хлеб с хрустящей корочкой, которым славился город.

Однако прошло немало времени, прежде чем Горнемухстрой поручил архитектору Николаю Андреевичу Заботкину приступить к постройке Новой Пекарни. Следует заметить, что он был одним из самых уважаемых людей в Немухине. Когда он переходил Нескорую, самую оживленную улицу города, милиционер заранее останавливал движение и все почтительно следили, как, поглядывая по сторонам, он неторопливо переставляет длинные ноги. Его уважали даже за то, что он всегда путал ужин с завтраком, а завтрак с обедом.

– Хорошо бы поужинать, – говорил он по утрам своей дочке Тане. А возвращаясь поздно вечером после работы, весело спрашивал ее: – Завтрак на столе?

В ясный солнечный день он выходил из дому с зонтиком, а однажды, когда Мария Павловна вымыла голову и повязала ее полотенцем, не узнал ее и стал расспрашивать, откуда она приехала и нравится ли ей город.

Впрочем, рассеянность нисколько не мешала ему. Однажды он, например, по рассеянности построил такую высокую пожарную каланчу, что с вышки был виден как на ладони не только Немухин, но и Мухин, лежавший довольно далеко за рекой. Мешала ему не рассеянность, а доброта. С каждым годом он становился добрее. Он беспокоился положительно о каждом немухинце, а в особенности о верхолазах, строивших Пекарню, после того как один из них оступился. Именно тогда он предложил выписать верхолазов из Летандии – есть такая страна, в которой люди умеют немного летать. Но Горнемухстрой убедительно доказал ему, что Министерство Дружелюбных Отношений не разрешит выписать для Пекарни иностранных рабочих.

Но больше, чем о любом немухинце, Николай Андреевич, без сомнения, заботился о своей дочке Тане. Дело в том, что у него три года тому назад неожиданно исчезла жена, Мария Павловна, Директор Института Красоты и, между прочим, одна из самых красивых и симпатичных женщин в Немухине. Это случилось так: за ужином она вспомнила, что забыла купить к сосискам горчицу, вскочила из-за стола, побежала в соседнюю лавочку и исчезла. Весь город искал ее несколько дней, лучшие собаки-ищейки были привезены в Немухин, и, как это ни странно, самые талантливые из них упорно шли по одному маршруту: от дома Заботкиных к единственному в городе Комиссионному Магази́ну. Этим магазином заведовал некто Пал Палыч, человек пожилой, глуховатый, подсле-

поватый и – что важно отметить – пугливый. Он считал себя знатоком старины и подчас решительно отказывался продавать казавшиеся ему старинными вещи.

– К сожалению, не могу, – говорил он, поглядывая на какие-нибудь фарфоровые часы, которые были старше его лет на десять. – Это музейная вещь и как таковая должна находиться в Государственном Музее Старинных Механизмов.

Но это обстоятельство, без сомнения, не имело ни малейшего отношения к исчезновению Марии Павловны. Она как бы растаяла в воздухе, и единственной хозяйкой в доме осталась Таня, которой только что исполнилось четырнадцать лет. Нельзя сказать, что она растерялась. Во-первых, она была почему-то уверена, что мама вернется. А во-вторых, надо же было кому-то готовить завтрак, который отец называл ужином, разогревать обед, который он называл завтраком, отдавать белье в прачечную, платить за газ и электричество, не говоря уже о чистоте в квартире.

При этом необходимо было еще и учиться, причем не в обыкновенной, а в Музыкальной Школе. Она играла на скрипке, а кто же не знает, что скрипка – один из самых трудных инструментов на свете.

Да, Тане было действительно трудно, но ей не очень хотелось, чтобы отец нанял домашнюю работницу, хотя иногда, пожалуй, и очень.

А надо сказать, что одна еще молодая женщина только и думала, как бы ей устроиться у Заботкиных. Дело в том, что

ей никак не удавалось выйти замуж, хотя она была, с ее точки зрения, недурна собой. Кроме того, ей очень нравился Николай Андреевич.

«Ведь прошло три года с тех пор, как он потерял жену, — думала она, — а в таких случаях мужчины не прочь жениться снова».

И, принарядившись, она пошла к Николаю Андреевичу и сказала ему, что не может без слез смотреть на Таню, которая хозяйничает в доме, в то время как ей надо учиться.

— Между тем мне кажется, — сказала она, — я вполне могла бы ее заменить.

Однако были причины, которые могли помешать Николаю Андреевичу согласиться на ее предложение. Во-первых, эта женщина, у которой, кстати сказать, было странное прозвище — госпожа Ольоль, родилась и выросла в Мухине, а между мухинцами и немухинцами всегда были сложные отношения. В дни футбольных соревнований, например, хозяева поля независимо от результата дрались с гостями, а гости — с хозяевами поля.

Во-вторых... О, вторая причина заставила б задуматься Николая Андреевича, если бы он догадался о ней!

Дело в том, что госпожа Ольоль училась в Школе Ведьм и хотя была очень ленива, однако окончила четыре класса. В Министерстве Необъяснимых Странностей ей было разрешено совершить только одно необыкновенное чудо, а обыкновенных — не больше трех-четырех.

Так или иначе, никто не подозревал, что госпожа Ольоль – ведьма, хотя и с неоконченным средним образованием.

В конце концов Николай Андреевич все же нанял ее.

– Я буду называть вас экономкой, – сказал он, – тем более что домашних работниц в наше время нанять, говорят, очень трудно. Вы будете полной хозяйкой в доме, а Таню я попрошу только набивать мне трубку и следить, чтобы я не называл завтрак ужином, а ужин – обедом.

И действительно, первое время все шло так примерно на четверку с плюсом. Можно было бы даже сказать – на пятерку, если бы Таня время от времени не ловила на себе какой-то странный взгляд новой экономки. Пожалуй, можно назвать его опасным или, по меньшей мере, не вполне безопасным. Правда, госпожа Ольоль при этом ласково улыбалась, но от ее улыбки Тане становилось как-то не по себе. Ей хотелось куда-нибудь спрятаться, и у нее, как это ни странно, развязывался пионерский галстук, хотя она к нему не прикасалась.

Тем не менее они были в прекрасных отношениях. Каждый день госпожа Ольоль убирала квартиру, ходила по магазинам, проветривала постельное белье и вообще отлично вела хозяйство. Готовила она так хорошо, что Николай Андреевич за обедом съедал по две тарелки супа и даже немного пополнил, хотя при его высоком росте это было почти незаметно.

Всякий раз она с восхищением восклицала: «Ах, как я ра-

да!» — когда он возвращался домой, хотя куда же еще должен он был возвращаться после работы, если не домой.

Стараясь понравиться ему, она три раза в день подкрашивала веки, а два раза щеки, так что верхняя часть ее лица отливала голубоватым цветом, а нижняя — розоватым.

И нельзя сказать, что Николай Андреевич не обращал на нее внимания. Но почему-то, встречаясь с ней, он повторял одну и ту же фразу:

— Ого, госпожа Ольоль, а ведь вы опять похорошели.

Или, когда веки у нее начинали отливать уже не голубоватым, а синеватым оттенком, а щеки — не розоватым, а красноватым, он восклицал:

— Смотрите-ка, госпожа Ольоль, что бы это значило? Ведь вы опять, кажется, похорошели?

В старину тот, кто собирался жениться, обычно говорил своей будущей невесте:

— Позвольте предложить вам руку и сердце.

Руку Николай Андреевич иногда предлагал госпоже Ольоль — когда она стояла на лестнице, вытирая пыль в библиотеке. Но сердце... До этого было далеко!

Что касается Тани, то новая экономка заботилась о ней, как заботилась бы, кажется, родная мать.

— Милая моя, не хочешь ли ты еще одну булочку? — спрашивала она, когда Таня, торопясь в школу, заканчивала завтрак.

Но пионерский галстук под взглядом госпожи Ольоль

продолжал развязываться, а однажды, когда Таня в беге на сто метров была в трех шагах от финиша, у нее развязался шнурок на ботинке, и она пришла шестой, хотя могла бы прийти второй. Перед показательным концертом Музыкальной Школы на скрипке лопнула струна, и пришлось бежать в Мухин, потому что в Немухине не было музыкального магазина.

Впрочем, Таня давно заметила, что упражнения на скрипке странно действуют на госпожу Ольоль. Она морщилась, хваталась за голову, смачивала виски уксусом – словом, вела себя так, как будто Таня не разучивала Баха, а старалась отпилить эконолке голову своим смычком. Может быть, это объяснялось тем, что ведьмы вообще немusикальны? Так или иначе, ничего не оставалось, как заниматься музыкой не в своей комнате, а в старой, заброшенной оранжерее, рядом с домом.

Правда, она была не совсем заброшенной: в ней росли розы, гладиолусы, лилии и георгины. За ними никто не ухаживал, потому что старый садовник умер, а нового немухинцы, занятые строительством Пекарни, еще не собрались нанять. Но Таня – хотя она была очень занята – все-таки находила время, чтобы поливать цветы. Ей даже нравилось заниматься музыкой в оранжерее, тем более что цветы внимательно слушали ее и даже кивали головками, когда какой-нибудь трудный пассаж удавался. Широко известно, что именно цветы острее других растений чувствуют признательность – ведь за

ними надо ухаживать особенно терпеливо. Но иногда Тане начинало казаться, что ее слушают не только цветы. Кто-то бродил по старой оранжерее, чуть заметно отражаясь то в одной, то в другой стеклянной стене.

– А ведь интересно узнать, – однажды спросила (или, быть может, только подумала) Таня, – кто еще слушает меня, кроме роз, гладиолусов, лилий и георгинов?

– Сын Стекольщика, – ответил ей чей-то мягкий, приветливый голос.

– В самом деле? Почему же я вас не вижу?

– Не только ты, Таня. Кстати, я узнал твое имя, потому

что, когда у тебя получается трель, ты говоришь себе: «Ай да Таня!»

– Так вас не видит никто?

– В том-то и дело!

– Но ведь это же очень неудобно, – возразила Таня. – Вам-то самому хотя бы изредка удается себя увидеть?

– К сожалению, редко. Только когда идет слепой дождь.

– А что это такое?

– Дождь пополам с солнцем. Впрочем, тогда меня могут увидеть и другие.

– Те, кто к вам хорошо относится?

Она услышала добрый, звенящий смех и подумала, что так могут смеяться только хорошие люди.

– Это я радуюсь, что ты так догадлива, – сказал Сын Стекольщика. – Кроме того, ты вежлива, терпелива и нелюбопытна.

– Вежлива? Может быть. Терпелива? Пожалуй. Но нелюбопытна? Ну нет! Мне, например, до смерти хочется узнать, почему вы стали прозрачным, что вы делаете в этой оранже-рее и вообще, что с вами случилось?

– Ну что ж, – вздохнув, отвечал Сын Стекольщика. – Придется рассказать тебе мою историю. Впрочем, это нетрудно, потому что я давным-давно выучил ее наизусть.

«Видеть тех, кто тебя не видит, – в этом есть своя прелесть»

– Видишь ли, – начал он, – я сын Председателя Союза Стекольщиков, который так любил свое ремесло, что каждый месяц выбивал все окна в своем доме только для того, чтобы вставить новые стекла. Стекло всегда казалось ему одним из семи чудес света, а прозрачность – самым драгоценным свойством любого предмета. Среди его друзей были, например, прозрачно-чистые и прозрачно-благородные люди. Словом, ему до смерти хотелось, чтобы у него родился совершенно прозрачный сын, а когда человек неумоимо стремится к намеченной цели, это почти всегда удается. Вот так и случилось, что я, как видишь, родился совершенно прозрачным.

– Точнее было бы сказать: «как не видишь», – заметила Таня.

Он опять засмеялся – и так звонко, что стекла оранжереи весело отозвались.

– Прекрасно! Значит, ты еще и остроумна. Впрочем, я не могу согласиться, что быть прозрачным так уж неудобно. Видеть тех, кто тебя не видит, – в этом есть своя прелесть. Ты спрашивала меня, что я делаю в этой оранжерее. Ты понимаешь, мне приходится много путешествовать, а в гостиницах всегда начинаются длинные, утомительные рас-

спросы... «Извините, гражданин, мы не прописываем невидимок...» Или: «Как же я могу предоставить вам номер, если неизвестно даже, женщина вы или мужчина?» Словом, я решил, что удобнее всего останавливаться в оранжереях. Теперь остается только один вопрос: «Что вы делаете в Немухине?» Ответ: «Ничего». Просто мне показалось, что в этом городке немало кристально-честных и прозрачно-благородных людей. Вот я и подумал: «А вдруг мне удастся помочь кому-нибудь из них?» Ведь именно такие люди часто попадают в беду.

– Да, – вздохнув, ответила Таня. – Вот вчера, например, мальчишки гоняли футбольный мяч и разбили окно в доме нашего Старого Трубочного Мастера. А уж честнее и благороднее его нет, мне кажется, никого на свете.

– Вот я ему и помогу, – сказал Сын Стекольщика. – Но, Таня... Может быть, я мог бы чем-нибудь помочь и тебе? Когда я смотрю в твои глаза, мне начинает казаться, что ты не очень счастлива. Или я ошибаюсь? Почему, например, ты занимаешься музыкой не у себя дома, а в этой старой оранжерее?

– Потому что госпожа Ольоль совершенно не выносит ни меня, ни мою скрипку. Папа нанял ее, чтобы она вела наше хозяйство, и она, мне кажется, вела бы его очень хорошо, если бы поменьше старалась понравиться папе.

– А она очень старается?

– К сожалению, да. Вчера, например, она надела туфли на

таких высоких каблуках, что совершенно не могла ходить, и рассердилась на меня, когда я предложила ей воспользоваться папиной палкой.

– А что думает о ней твоя мама?

Должно быть, Сын Стекольщика догадался, что огорчил Таню этим вопросом, потому что она глубоко вздохнула и долго молчала, прежде чем ей удалось справиться со слезами.

– У меня нет мамы, – наконец сказала она. – То есть, может быть, и есть, но никто не знает, где она и что с ней случилось.

И Таня рассказала, как три года тому назад мама вскочила из-за стола, побежала в лавочку за горчицей и исчезла.

– Почему же она не послала тебя?

– В том-то и дело, что накануне я подвернула ногу.

– Ее искали?

– О да. Самые талантливые собаки-ищейки разыскивали ее несколько дней. Удалось только установить, что она завернула за угол к Комиссионному Магазину. Но кому же может прийти в голову покупать горчицу в Комиссионном Магазине?

Сын Стекольщика промолчал, и в полной тишине был слышен только легкий шорох – бабочка перелетала с цветка на цветок.

«Ушел», – подумала Таня и спустя несколько минут спросила робко:

– Простите, вы еще здесь?

– Да, конечно. Больше того, я теперь долго не покину тебя.

Не можешь ли ты сбежать домой и принести мне фотографию мамы?

– Я ношу ее на груди, – ответила Таня.

И действительно: на груди у нее висел маленький медальон, и в нем была фотография мамы.

– Какое нежное, доброе лицо, – сказал Сын Стеколыщика. – Какие глаза! Так и кажется, что они говорят: «Желаю вам счастья». Теперь мне ясно, почему я остановился в Немухине. То, о чем ты рассказала, загадочно и похоже на закоптелое стекло, через которое смотрят на затмение солнца. Стекло надо протереть, чтобы оно стало прозрачным, и я, не теряя времени, займусь этим делом.

Бронзовая статуэтка

Судя по тому, что в ближайшие дни произошло в Немухине, чудеса идут полосой – одно тянет за собой другое.

На вывеске часовой мастерской были нарисованы большие часы – без всякой необходимости, потому что немухинцам не приходилось смотреть на вывеску, чтобы отличить часовую мастерскую от аптеки.

И вдруг эти часы, которым, конечно, не полагалось ходить, вздрогнули, звякнули и пошли. Секундная стрелка стала догонять минутную, а минутная часовую. Окно в доме Старого Трубочного Мастера, разбитое футбольным мячом, оказалось целехоньким и даже более того – прозрачным, как воздух.

Пугало, стоявшее в огороде Завнемухторга, вдруг ожило и стало отгонять птиц своими соломенными руками, а в одну упрямую ворону запустило шляпой.

Но, как это ни странно, немухинцы довольно быстро привыкли к чудесам и даже огорчались, когда в городе ничего не происходило.

Впрочем, самые странные события происходили в Комиссионном Магазине. Дело в том, что Пал Палыч постоянно боялся, как бы не оступиться, не простудиться, не обидеть кого-нибудь – одним словом, поступить не так, как полагается пожилому, болезненному, глуховатому человеку.

И вот в Магазине, которым он безмятежно заведовал много лет, начались странности, которые напугали бы и не такого человека. Пал Палыч вдруг обнаружил, что кто-то, кроме него, хозяйничает в Магазине, причем среди вещей, которые он считал музейными и никому не хотел продавать. Он мог бы поклясться в том, что шкатулка XVIII века, которая, по его догадкам, принадлежала Екатерине II, вчера стояла на второй угловой полке, а сегодня оказалась на третьей. Японскую лампу, висевшую в левом углу, кто-то взял да и перевесил. Это особенно напугало Пал Палыча, потому что сделать это без лестницы было невозможно, а складная лестница лежала под прилавком.

Право, можно было подумать, что кто-то по ночам бродит по Магазину, причем не просто бродит, а заботливо перебирает и переставляет вещи.

«Может быть, мне это только кажется?» — думал бедный Пал Палыч.

На всякий случай он пошел к врачу, и тот сказал значительно:

— Надо лечиться.

Наконец произошло то, что, без сомнения, свело бы Пал Палыча с ума, если бы Старый Трубочный Мастер не помог ему оправиться от потрясения.

Среди предметов, которые он отказывался продавать, была бронзовая статуэтка молодой бегущей женщины. Платье ее развевалось, изящно очерченные губы были слегка откры-

ты, головка приподнята, и вся стройная фигурка устремлялась вперед, очевидно, к тому, кто ждал ее и не мог дождаться. Пал Палыч уверял, что это работа знаменитого скульптора Фидия или одного из его ближайших учеников, хотя на фигурке была домашняя кофточка и юбка ниже колен, а в древности одевались совершенно иначе.

И вот однажды Пал Палыч услышал мягкий приветливый голос, – услышал, хотя был один в магазине:

– Доброе утро. Простите, не могу ли я купить у вас одну вещицу, которая мне очень понравилась?

– А именно? – спросил Пал Палыч, глядя во все глаза, никого не видя и думая, что он помешался.

– Вот эту бронзовую статуэтку, – ответил покупатель, и статуэтка, как живая, снялась с полки и неторопливо опустилась на прилавок.

– Виноват, – сказал Пал Палыч, – но мне кажется, что здесь нет никого, кроме меня. А не могу же я покупать у самого себя, тем более что это музейная вещь, которая вообще не продается.

– Это не совсем так, – возразил покупатель. – Во-первых, не вы покупаете у себя, а я у вас. А во-вторых, это не музейная вещь. Если бы не счастливая случайность, или, точнее сказать, несчастная случайность, она не попала бы в ваши руки.

– Позвольте, позвольте... Каким же образом счастливая случайность может одновременно оказаться несчастной?

– Очень просто, – ответил ему невидимый собеседник, – счастливая, потому что вы нашли эту статуэтку три года тому назад. А несчастная... Ну, об этом мы поговорим в другой раз.

В таких случаях обычно пишут: «Он (хотя бы тот же Пал Палыч) был поражен». Но, пожалуй, вернее было сказать, что еще никогда в жизни он не был так поражен. Редкие седые волосы стали дыбом, рот округлился, как буква «о», а руки и ноги задрожали. Дело в том, что он действительно подобрал эту статуэтку на мостовой, недалеко от дома Заботкиных, три года тому назад.

– Зачем же так волноваться? – мягко спросил покупатель. – Вы поступили прекрасно.

– Но если вы все-таки хотите ее купить... – начал было дрожащим голосом Пал Палыч.

– Нет, нет! Я передумал. Мне хотелось только убедиться в том, что она не продана. Кстати, как вы ее назвали?

– Бе-бе-бегущая по волнам.

– Сразу видно, что вы читали Александра Грина. Один из его романов называется именно так. Но вы знаете, лучше было бы назвать ее не «Бегущая по волнам», а «Бегущая за горчицей».

Странствующий рыцарь

На этот раз Пал Палыч закрыл свой магазин на час раньше, чем полагалось. Со всех ног он побежал к Старому Трубочному Мастеру, умнейшему человеку в Немухине, – посоветоваться с ним было необходимо просто до зарезу.

А надо сказать, что они были друзьями со школьных лет и даже сидели некогда на одной парте. Причем Трубочный Мастер уже и тогда помогал Пал Палычу, который был слабоват по арифметике, истории, литературе и географии.

– Ну, что случилось, старик?

– Бяда, – ответил Пал Палыч.

Почему-то, когда с ним случалась маленькая неприятность, он говорил: «Беда», а когда большая: «Бяда».

– А именно?

– Да вот...

И Пал Палыч, волнуясь, рассказал о том, что невидимый покупатель не только собирался купить у него статуэтку, но почему-то назвал ее «Бегущая за горчицей».

– Ну хорошо, допустим, что я его сослепу не разглядел. Но объясни ты мне, ради бога: при чем тут горчица?

Попыхивая трубочкой, Старый Мастер долго обдумывал происшествие в Комиссионном Магази́не.

– Это было сегодня?

– Да.

– А какая, между прочим, сегодня погода?

– Прекрасная. Солнышко. Ни облачка. Тепло.

– Ветра нет?

– Тихо.

– Тогда ясно, что он не бросал слова на ветер. Что ж, старина, могу только поздравить тебя. Тебе посчастливилось встретиться с волшебником, а это немало. В Немухине вообще началась полоса чудес. Думаю, что это его делишки. Значит, тебе хочется узнать, почему он заинтересовался этой статуэткой. Ничего особенного! Просто он решил выяснить, порядочный ли ты человек.

– Не понимаю.

– Что ж тут не понять! Что сделал бы другой человек, подобрав эту статуэтку? Продал бы ее какому-нибудь любителю, а деньги – в карман! А ты поставил ее на полку в магазине. Стало быть, заботаешься не о своем кармане, а о пользе дела. Видишь ли, в последнее время распространилось убеждение, что странствующие рыцари существуют только в легендах и сказках. Лично я с этим никогда не мог согласиться. Тебе как раз встретился такой рыцарь, да еще к тому же волшебник. И если он еще раз пожалует, попроси его заглянуть ко мне. У меня к нему дело.

– А именно?

– Да понимаешь, у Николая Андреевича так плохи дела, что его может спасти только чудо. Ведь это только кажется, что Пекарня строится. А на деле кирпичи везут на строи-

тельство Кинотеатра, а цемент – к Каланче, которую он давно построил. Так что, если бы мне удалось встретиться с твоим волшебником, я бы непременно поговорил с ним о Новой Пекарне.

– Да, черт побери, как же я это упустил! – почесывая затылок, сказал Пал Палыч. – Но если он снова заглянет...

«Госпожа Ольоль, вы опять похорошели»

Теперь Сын Стеколыщика виделся с Таней почти каждый день.

– Скажи, пожалуйста, – однажды спросил он, – почему у тебя глаза становятся все грустнее? Ведь появилась серьезная надежда, что твоя мама в один действительно прекрасный день вернется домой. Может быть, ты не поверила мне?

– Ну что вы! С тех пор, как вы мне это сказали, я каждый вечер открываю медальон, чтобы пожелать маме спокойной ночи... Более того, с тех пор, как я поверила вам, папа стал беспокоить меня больше, чем мама. Новая Пекарня почти не строится, а между тем Кабинет Внешней Торговли сообщил, что из многих стран поступили заказы на черный хлеб с хрустящей корочкой, которым так славится Немухин.

Сын Стеколыщика рассмеялся – и у Тани сразу стало легко на сердце. У него был такой добрый, открытый, почти мальчишеский смех.

– Ну, с этим мы как-нибудь справимся. А как ведет себя госпожа Ольоль?

Таня вздохнула.

– Я ее боюсь, – сказала она. – Видите ли, по-видимому, она думает, что, если бы я провалилась сквозь землю, ей удалось бы выйти замуж за папу. Между тем он ее совершенно

не замечает. Вчера, например, она встретила его в детской шапочке, чтобы казаться моложе, а он только сказал: «Смотрите-ка, госпожа Ольоль, вы опять похорошели». Когда он ласково разговаривает со мной, она готова лопнуть от зависти, а может быть, от другого, более опасного чувства.

– Если бы ты увидела меня, – сказал Сын Стекольщика, – ты убедилась бы в том, что у меня огорченное и расстроенное лицо. Дело в том, что я буду очень беспокоиться о тебе, когда мне придется на несколько дней покинуть Немухин.

– Вы уезжаете?

– Да. Для того, чтобы вернуть жизнь твоей маме, мне надо повидаться с одним старым волшебником. Он уже давно на пенсии, но у него превосходная память. Он знает все заклинания, которыми люди уже сотни лет защищаются от чертей, леших с дурным характером, озлобленных домовых – словом, от злого колдовства, ведь доброе колдовство встречается сравнительно редко. Мой старик живет на берегу Ропотамо – есть на свете такая река, которая неторопливо несет в море свои прозрачные воды. Я хочу посоветоваться с ним. Заклинаний много, а я, например, помню только одно: «Аминь, аминь, рассыпся», – да и то не уверен в том, что оно действует до сих пор.

– Я буду ждать вас, – стараясь удержаться от слез, сказала Таня. – В крайнем случае я скажу госпоже Ольоль: «Аминь, аминь, рассыпся». Может быть, это заклинание еще действует, правда?

– Да, может быть, – ответил ей добрый, мужественный голос, и Тане показалось, что эти слова слышались уже в отдалении и прозвучали как эхо.

Тропинка, с которой свернуть невозможно

Госпожа Ольоль по-прежнему надеялась, что Николай Андреевич не всегда будет говорить: «Вы похорошели», а скажет вдруг: «Не хотите ли вы быть моей женой?» Но он вообще почти перестал говорить. Он теперь только ругал Горнemukстрой и себя за то, что согласился построить Пекарню.

«Конечно, если бы у него не было дочки, – думала госпожа Ольоль, – ему волей-неволей пришлось бы жениться на мне. В конце концов, он много старше меня, а в таких случаях дело обычно кончается свадьбой».

Конечно, это было сложно – заставить Таню, например, заблудиться в Немухине, который она прекрасно знала. Но ведь можно послать ее в Мухин, за которым начинается лес, и заставить ее заблудиться в этом лесу, где, между прочим, за последнее время развелись кабаны.

«Но надо действовать осторожно», – думала госпожа Ольоль и после долгих размышлений остановилась на самой обыкновенной шерстяной нитке.

Эту нитку она выдернула из старого Таниного свитера, а заколдовать нитку ничего не стоило – этот предмет проходили во втором классе, а она кончила четыре.

– Милая Танечка, – сказала она однажды, – мне хочется попросить тебя сходить к моей бабушке в Мухин. Отнеси

ей, пожалуйста, бутылку молока и пару пирожков, которые остались от вчерашнего ужина. И скажи ей, что я зайду в воскресенье, а может быть, даже в субботу.

Нельзя сказать, что Тане так уж хотелось идти в Мухин, тем более что в этот день она должна была подготовиться к контрольной по литературе. Но она была слишком вежлива, чтобы отказаться.

И вот она взяла молоко и пирожки и отправилась в Мухин, а госпожа Ольоль положила нитку на стол и растянула ее – сперва прямо (чтобы Таня отдала бабушке молоко и пирожки), а потом круто налево – чтобы Таня попала в лес, откуда выбраться было почти невозможно.

А Таня между тем шла и шла. Она перебралась по деревянному мостику через Немухинку, встретилась с бабушкой, отдала ей молоко и пирожки и спокойно вернулась домой. Что же произошло? Почему же госпоже Ольоль не удалось заставить ее заблудиться? Очень просто: котенок прыгнул на стол и сперва поддел нитку лапой, а потом запутал ее – он решил, что госпожа Ольоль решила с ним поиграть.

– Спасибо, милая девочка, – сказала она, когда Таня вернулась. – Надеюсь, что моя бабушка хорошо тебя встретила?

– О да! – ответила Таня. – Она даже сказала спасибо.

Прошло несколько дней, и госпожа Ольоль снова попросила Таню заглянуть в бабушке – доктор прописал ей редкое лекарство, которое с трудом удалось достать в аптеке.

И Таня даже обрадовалась: она подумала, что госпожа

Ольоль не то что полюбила ее, но, по меньшей мере, не желает ей провалиться сквозь землю.

Она взяла лекарство, отнесла его бабушке, но, возвращаясь, повернула не направо, к мостику, а налево, к темному лесу. Перед ней вдруг появилась тропинка, по которой не очень хотелось идти – она вилась среди густых елей. Но Таня все-таки пошла по тропинке – ноги почему-то перестали ей повиноваться.

«Неужели между Мухином и Немухином я могла заблудиться?» – подумала Таня.

Как ни странно, но, по-видимому, это было действительно так. Тропинка вилась и вилась, начинало темнеть; ели в сумерках казались огромными чудовищами, присевшими на задние лапы, чтобы прыгнуть на Таню. Душа у нее уже совсем собралась уйти в пятки, но она была храбрая девочка и приказала себе успокоиться, а это было не так-то просто! Более того: она вспомнила сказку о Мальчике с пальчик, который бросал камешки на дорогу, чтобы вернуться домой. Правда, у нее не было камешков, зато на шее висело довольно длинное стеклянное ожерелье.

«Разорву-ка я его, – подумала она, – и стану бросать по одной бусинке через каждые десять шагов».

Так она и сделала. Но увы! Ожерелье было хотя и длинное, но не очень. А между тем где-то поблизости промчалось, ломая ветки и отвратительно хрюкая, какое-то животное. Неужели кабан?

Вот когда душа у нее действительно ушла в пятки – никакие силы не могли ее удержать. Таня стала плакать, сперва негромко, потом все сильнее, и, наконец, слезы градом хлынули из ее глаз и вместо бус стали падать на тропинку. Некоторые, самые крупные, попали ей на руки, и она с удивлением подумала, что они действительно похожи на град. Но еще больше они были похожи на ее собственные бусы, из которых можно было сделать не одно, а тысячу ожерелий.

Это было, конечно, нечто вроде весточки от Сына Стекольщика – кто же еще мог превратить слезы в стеклянные бусы?

«Он помнит обо мне, – радостно подумала Таня, – и нет ничего невероятного, если я возьму да и пойду назад по тропинке. Мне кажется, что она больше не заставляет меня идти вперед».

И, скомандовав себе: «Кругом!» – она сделала полный оборот и пошла назад в Мухин – теперь через каждые десять шагов она видела блестящую бусинку, и ей даже захотелось подобрать их – ведь тогда у нее было бы ожерелье из собственных слез.

Она снова – только на этот раз в обратном направлении – прошла расколдованную тропинку и побежала домой быстрее, чем даже на состязаниях, когда ей удалось бы прийти второй, если бы не развязался шнурок.

Госпожа Ольоль только дважды падала в обморок. В первый раз, когда оказалось, что моль почти без остатка съела

ее роскошную парижскую шаль, а второй раз, когда в ее тарелку с гороховым супом попал таракан – она до смерти боялась тараканов.

Увидев Таню, которая весело барабанила в дверь, она хоть и не упала в обморок, но остолбенела и долго не могла выговорить ни слова.

– Госпожа Ольоль, что с вами? – спросил Николай Андреевич. – Таня сегодня поздно вернулась из школы, и давно пора завтракать, то есть я хочу сказать – ужинать, а на стол еще не накрыто.

На берегу Ропотамо

Сын Стеколыщика не сказал Тане, когда он вернется. Но, уходя, он оставил в Немухине Заботу о ней – она-то и превратила ее слезы в бусины. Он был предусмотрительным волшебником и прекрасно понимал, что госпожа Ольоль не оставит Таню в покое. Забота была одним из тех чувств, которые верно ему служили.

Он уехал, а чувство осталось. Забота сделала то, что на ее месте сделал бы он.

А между тем Сын Стеколыщика шел и шел, останавливаясь, чтобы отдохнуть в оранжереях. Он хорошо чувствовал себя среди цветов. С его появлением они, здороваясь, наклоняли головки, а когда он уходил, мысленно желали ему счастливой дороги.

И вот, наконец, он пришел в городок на Синем Море, которое почему-то называется Черным, и надо сказать, что это был удивительный городок. Его жители относились с глубоким уважением не только друг к другу, но и к альбатросам, ветряным мельницам, старым, отслужившим якорям, к морским скалам, буревестникам и даже акулам. Этому не стоило удивляться. Все они были рыбаки, а рыбаки и моряки любят чувствовать себя на суше, как в море. Вот почему улицы своего городка они назвали именами морских птиц, морских животных и морского ветра, который усердно вертел мель-

ницы, хотя муку уже давно продавали не на мельницах, а в продовольственных магазинах.

Старый Волшебник редко бывал в городке Ропотамо, в котором одна прозрачная струя лепетала что-то другой, еще более прозрачной, и он любил часами сидеть на берегу, перебирая в уме все, что случилось в прошлом, и не жалея о том, что в будущем уже не случится.

Это был высокий худощавый старик с седой бородкой, с узким лицом и детскими голубыми глазами. Ему нравилось, что друзья некогда сравнивали его с Дон-Кихотом – это была его любимая книга.

В молодости, когда он еще не был Волшебником, он окончил университет. Его дипломная работа называлась «Заклинания в сказках и в жизни», и он убедительно доказывал в ней, что чудеса надо изучать, потому что они не падают с неба. Почти все заклинания против сплетен, интриг и предательств он знал наизусть – самый искусный индийский факир показался бы в сравнении с ним неопытным мальчуганом. Сына Стекольщика он тоже считал мальчуганом.

– Здравствуй, малыш, – сказал он, увидев в струях Ропотамо мелькнувшее отражение, – рад тебя видеть. Не сомневаюсь, что ты пришел ко мне по важному делу. Последнее время я замечаю, что среди волшебников появилось много энергичных молодых людей, которые не теряют времени даром.

– Да, дело серьезное, – отвечал Сын Стекольщика. – Оно

касается поступка одной женщины, которую даже нельзя назвать профессиональной ведьмой. Ей разрешено было раз в жизни превратить кого-нибудь во что-нибудь, и она воспользовалась этой возможностью для подлой, отвратительной цели. Я убежден, что с вашей помощью можно совершить обратное: превратить что-нибудь в кого-нибудь. Скажу точнее: бронзовой статуэтке нужно вернуть ее драгоценную человеческую сущность, то есть снова сделать ее любящей, тонко чувствующей матерью и женой. Могу ли я надеяться на вашу помощь?

Старик задумался – и все задумалось вокруг: далекий парус, блеснувший там, где река соединяется с морем, маленький дом, похожий на птицу с распростертыми крыльями, присевшую на морские скалы, ослик у калитки – на нем Старик ездил в городок, чтобы купить хлеба и вина. Задумался даже пролетававший мимо гларус – есть на свете такая птица, которая любит людей и живет рядом с печными трубами на крышах. Река не могла остановиться, чтобы помочь Старiku, но на всякий случай она стала еще более прозрачной – до самого дна. «Может быть, – подумалось ей, – глядясь в мои воды, он вспомнит свое заклинание?»

– Ну, что же, малыш, – сказал после долгого молчания Старик. – Когда-то один нищий поэт, искренний и потому великий, сочинил стихи, которые помогут тебе. Мы встречались. Как никто другой, он умел вдохнуть жизнь в мертвое слово. А ведь слово и жизнь человека – родные братья и да-

же, я бы сказал, близнецы. Вот почему я уверен в том, что его стихи, возвращавшие жизнь слову, могут вернуть жизнь и человеку, в особенности если за него хлопочут целых два поколения волшебников. Стихотворение короткое, но я не могу записать его для тебя. Ты запомнишь его – ведь у тебя хорошая память.

И он произнес маленькое стихотворение, в котором поэзия верно служила мудрости, а мудрость – поэзии.

– А теперь прощай, – сказал Старик. – Я не считаю потерянными тот час, который я провел с тобой. Он украсил мою одинокую старость.

«Мы должны остаться вдвоем: я и твоя мама»

Между тем в Немухине все было бы хорошо, если бы решительно все не было бы плохо. Сын Стекольщика поручил Заботе оберегать только Таню, а между тем давно было пора позаботиться о ее отце. Если бы у него был помощник, который собственноручно толкал бы кирпичи и цемент не к строящемуся Кинотеатру, а к строившейся Пекарне, дело пошло бы на лад. Но помощника не было, а чудеса, которые время от времени случались в городе, почему-то обходили Пекарню стороной, хотя именно в них-то она и нуждалась.

Так обстояли дела, когда Таня, которая повторяла трудные, скучные упражнения, с удивлением заметила, что запылившиеся стекла оранжереи снова стали прозрачными, и даже прозрачнее, чем в тот далекий день, когда они впервые были вставлены в рамы.

«Неужели вернулся?» – радостно подумала Таня. И не ошиблась, потому что не прошло и пяти минут, как она услышала знакомый голос.

– Конечно, вернулся, – сказал Сын Стекольщика. – И даже не один, а с подарком, дороже которого для тебя нет ничего на свете. Но прежде всего мне надо рассказать историю твоей мамы. Дело в том, что, когда она побежала за горчицей, госпожа Ольоль превратила ее в бронзовую статуэтку. А через

несколько минут по вашей улице проходил Заведующий Комиссионным Магазином, хотя и подслеповатый, однако замечавший все, что могло пригодиться для дела. Разумеется, он не узнал твою маму. Немного удивившись (в самом деле, каким образом такая вещь могла оказаться в Немухине?), он подобрал ее и поставил на полку своего Магазина. Несколько дней я искал ее и наконец нашел – ведь ты показала мне фотографию. С Пал Палычем – кажется, его зовут именно так – пришлось поговорить. Ты понимаешь, я боялся, что он продаст кому-нибудь статуэтку, и тогда оказалось бы, что я напрасно добрался до Старого Волшебника, который помнит все заклинания, и напрасно задумался ослик у калитки, и белый гларус, и река Ропотамо, которая постаралась стать еще прозрачнее, хотя это было уже почти невозможно. Они помогли Старику, и он вспомнил заклинание, которое некогда подарил ему нищий поэт. Вот оно:

Годы, люди и народы
Убегают навсегда,
Как текучая вода.
В гибком зеркале природы
Звезды – невод, рыбы – мы,
Боги – призраки у тьмы¹.

Мы должны остаться вдвоем – твоя мама и я. Больше того, она должна вернуться к жизни в том месте, где потеряла ее.

¹ Стихотворение принадлежит Велимиру Хлебникову.

Но прежде надо, чтобы госпожа Ольоль навсегда исчезла из вашего дома. Ведь она часто смотрится в зеркало?

– Каждую минуту.

– Говорят, что лицо – зеркало души. Вот она и увидит в зеркале свою душу.

Зеркало души

Нельзя сказать, что это был удачный день для госпожи Ольоль. Проснувшись, она встала с левой ноги – плохая примета. На всякий случай она снова легла в постель, немного поспала и на этот раз встала с правой. Надев халат, она умылась и подошла к зеркалу, чтобы причесаться, подвести веки, подкрасить щеки – словом, сделать все, чтобы Николай Андреевич наконец предложил ей руку и сердце.

Но, едва увидев себя в зеркале, она шарахнулась от него с таким криком, что котенок, мирно спавший на подоконнике, свалился и чуть не попал под машину.

В зеркале она увидела безобразное лицо с приплюснутым носом, крошечными красными глазками без ресниц, ртом до ушей и длинными, как у осла, ушами.

До сих пор она верила своим глазам, и они действительно обманывали ее очень редко. Но на этот раз не поверила.

– Не может быть, – сказала она твердо. – Все знают меня как довольно хорошенькую женщину. Ресницы у меня, например, такие длинные, что я трачу не меньше пятнадцати минут, чтобы их хорошенько покрасить. У меня оригинальное, симпатичное личико, на которое приятно смотреть, в особенности когда я чуть-чуть улыбаюсь. Подойду-ка я к другому зеркалу, в старинной раме. Помнится, Николай Андреевич говорил, что ему уже двести лет, а в таком почтен-

ном возрасте не принято врать.

Но увь! И в старинном зеркале она увидела себя с приплюснутым носом, крошечными красными глазками без ресниц, ртом до ушей и длинными, как у осла, ушами.

Она попробовала крепко зажмуриться, а потом открыть глаза. Ничего не изменилось! Она сильно ущипнула себя за руку – может быть, это сон? Но часы показывали половину восьмого, скоро встанет Николай Андреевич, и уж теперь-то он едва ли скажет: «О-го-го, госпожа Ольоль, а ведь вы опять похорошели!»

Если бы она знала, что лицо – зеркало души, она догадалась бы, в чем дело: все зеркала, в которые она смотрелась, отражали теперь не ее лицо, а ее душу. Но она не знала. Она всегда думала, что у нее душа если не безупречная, так, по меньшей мере, не хуже, чем у любой ведьмы средних лет, а даже лучше.

Между тем проснулся не только Николай Андреевич, но и Таня.

В отчаянии госпожа Ольоль снова посмотрела в зеркало – в свое собственное, которое она вынула из сумочки, – и с размаху бросила его на пол.

Зеркальце разбилось, кстати, это тоже было дурной приметой. Но госпоже Ольоль было не до примет. Наскоро побросав свои вещи в чемодан, она побежала в Мухин. Одной рукой она закрывала лицо – совершенно напрасно! Все равно никому не могло прийти в голову, что это она. Ворвав-

шись в свою комнату, она заперлась на ключ. Бабушка, которая не успела ее разглядеть, предложила ей чаю или кофе.

Она крикнула в ответ:

– Никогда, ничего, никому!

По-видимому, это означало, что она ничего не хочет, никому не покажется и больше никогда не будет ни есть, ни пить.

Очень может быть, что она и до сих пор сидит в своей комнате. А может быть, проголодавшись, она все-таки позавтракала и постаралась притвориться, что ничего не случилось. Во всяком случае, с тех пор никто ее не видел. Она стала вести уединенный образ жизни, или, иначе говоря, никого не приглашала к себе и сама никогда не выходила из дома.

Мария Павловна покупает горчицу

Через два-три дня на стеклянной двери Комиссионного Магазина появилась записка: «Решил закусить. Приду через час». Однако нельзя сказать, что Магазин опустел. В укромном уголке сидел Сын Стекольщика, дожидаясь, когда он останется наедине с бронзовой статуэткой, которую он снял с полки и поставил перед собой на прилавок.

У Заботкиных – об этом он условился с Таней – все было устроено точно так, как было в тот день и час, когда Мария Павловна побежала в лавочку за горчицей. Стол был накрыт на три прибора, хотя Николай Андреевич уже успел забыть, что госпожа Ольоль куда-то исчезла, не простившись ни с ним, ни с Таней.

К ужину так же, как и три года назад, были приготовлены сосиски, и если бы Николай Андреевич не был таким рассеянным человеком, он удивился бы, увидев, что Таня, прежде чем сесть за стол, впервые в жизни приняла двадцать вале-риановых капель. Волнуясь, она смотрела на стенные часы, и ей казалось, что минутная стрелка не обгоняет часовую, а плетется за ней, как будто ей не было никакого дела до того, что должно было случиться в Комиссионном Магазине.

Между тем едва только Сын Стекольщика громким внятным голосом произнес стихи нищего поэта, как подле продуктовой лавочки появилась красивая молодая женщина, бе-

жавшая за горчицей. К счастью, у продавщицы, совсем молоденькой девушки, было тренированное сердце, иначе, пожалуй, она упала бы в обморок, увидев Марию Павловну, которую так долго искали и не нашли лучшие собаки-ищейки.

Но сама Мария Павловна вела себя, как будто ничего не случилось. Она купила баночку горчицы, побежала домой и, войдя в столовую, сказала как ни в чем не бывало:

– Танечка, я, кажется, немного задержалась. Наверно, сосиски остыли. Подогрей, пожалуйста, а я пока заварю чай.

Корочка хрустит

Теперь у Сына Стекольщика осталось еще одно маленькое дело, то самое, о котором он сказал: «Ну, это несложно».

И действительно, через несколько дней, когда немухинцы немного привыкли к тому, что Мария Павловна вновь стала работать в Институте Красоты, Председатель Исполкома и Завнемухстрой одновременно проснулись с одной и той же мыслью: «Пекарня».

«В самом деле, – одновременно решили они, – непростительно так небрежно относиться к строительству Пекарни, в то время как люди с нетерпением ждут появления домашнего черного хлеба с вкусной хрустящей корочкой, которым с незапамятных времен славился наш город».

Весьма возможно, что эту мысль внушил им один из посетителей, которого действительно невозможно было заметить. Так или иначе, к удивлению Николая Андреевича, в тот же день к строившейся Пекарне стали стремительно подлетать машины – одна с цементом, вторая с кирпичом, третья с готовыми стенами, в которые были вставлены незастекленные рамы, четвертая снова с цементом. Рабочие, среди которых были настоящие мастера, взялись за дело с такой энергией, что в некоторых бригадах был отменен перекур.

Пекарня начала расти как снежный ком, хотя она, разумеется, ничем не напоминала снежный ком и даже обещала

стать одним из самых красивых немухинских зданий. Верхолазы легко взлетали на трубу, и Николаю Андреевичу не приходилось беспокоиться за них, потому что многие из них были мастерами спорта, привыкшими летать над своими снарядами.

Словом, работа, что называется, кипела, и Николай Андреевич по рассеянности даже не заметил, кто и когда поставил в рамы такие прозрачные стекла, что плотники разбили одно из них, думая, что рама, через которую они поднимали доски на второй этаж, осталась незастекленной.

И вот наконец наступила торжественная минута: уютно устроившись на ленте конвейера, одна буханка за другой поплыли, как черные лебеди, в строгом порядке. Они мягко падали в корзины, которые на другом конвейере удалялись в кладовые, выложенные, как, впрочем, и вся Пекарня, голубой плиткой – голубой потому, что это цвет мечты и надежды.

Потом конвейер был остановлен и наступила еще более торжественная минута, когда решительно всем пришлось волей-неволей затаить дыхание, а некоторые даже приложили руку к груди. Гроссмейстер по выпечке хлеба, приехавший из столицы, еще молодой, но уже успевший прославиться, с закрытыми глазами, чтобы показать, что он не выбирает, взял одну из буханок, разломил ее – и корочка не только разломилась с нежным, хрустящим звуком, но зазвенела, как серебряный колокольчик. Гроссмейстер положил ее в рот, и

наступило молчание, мертвое молчание, которое продолжалось все время, пока он жевал ее, катал во рту, причмокивал и, наконец, проглотил.

– Ну, как? – хором спросили немухинцы.

Молодое, серьезное лицо Гроссмейстера стало еще серьезнее, но глаза радостно засмеялись.

– Примите мои самые сердечные поздравления, дорогие друзья, – сказал он, – корочка хрустит, и можно с уверенностью сказать, что на свете едва ли найдется более вкусный, более нежный и, я бы даже сказал, более представительный хлеб.

Слепой дождь

Вот теперь, с хрустящей корочкой во рту, можно, пожалуй, закончить эту историю. Но тогда пришлось бы обидеть Сына Стекольщика и Таню, потому что у них был еще один разговор, который заслуживает упоминания.

На следующий день после торжественного банкета, который был устроен в честь Николая Андреевича и других строителей Пекарни, Таня вновь пошла в оранжерею. Просто она надеялась... Впрочем, не все ли равно, на что она надеялась? Может быть, ей хотелось проститься с кем-нибудь или сыграть кому-нибудь сонату, которую она на днях разучила?

Музыку трудно выразить в словах, на то она и музыка, а не поэзия или проза. Но если бы музыкальные фразы этой сонаты стали фразами человеческой речи, они говорили бы о том, чего ей хочется... Нет, не увидеть Сына Стекольщика, ведь это было невозможно! Просто поблагодарить за все, что он сделал для нее и папы, а в особенности для мамы.

Она играла с каждой минутой все лучше и лучше, потому что вдруг почувствовала, что ее слушают не только цветы.

– Здравствуй, Таня, – услышала она знакомый добрый голос. – Ты сделала заметные успехи. Соната трудная, а ты сыграла ее превосходно. Я понял каждое слово и могу ответить, что все равно постарался бы еще раз встретиться с тобой. Ведь было более чем невежливо уйти не простившись!

– А нельзя как-нибудь устроить, чтобы вы не ушли? – спросила Таня. – Мне кажется, что, когда вы в Немухине, не только люди, но даже предметы становятся... как бы это сказать... Ну, прозрачнее, что ли. Или, во всяком случае, приветливее и добрее. Сегодня, когда я вошла в столовую, мне показалось, например, что стенные часы сказали мне: «Доброе утро».

Если бы Сын Стекольщика не был прозрачным, она увидела бы, что он грустно покачал головой.

– Я бы охотно остался, милая Таня, – сказал он. – Немухин – тихий, симпатичный город, в котором многие желают друг другу добра. Но, ты понимаешь, я странник, а странники не могут жить без странствий, так же как моряки без моря. Ты не жалеешь, что сегодня дождливый день?

– Конечно, жалею. Но еще больше я жалею, что это не слепой дождь. Ведь вы сказали, что при свете солнца в дождливый день я могла бы вас увидеть.

Едва ли солнце появилось только потому, что на это надеялась Таня. Но оно действительно появилось, и каждая капля, падавшая на город, засверкала, как алмаз, хотела она этого или не хотела.

Мягкий, сияющий свет упал на оранжерею, и в этом свете Таня увидела чуть заметный силуэт, как будто обведенный тонкой серебристой линией. Можно было различить черты доброго и гордого молодого лица, стеклянный шлем на голове, стеклянный панцирь на груди, стеклянные латы.

– Я вижу вас! – успела крикнуть Таня, успела, потому что солнце скрылось прежде, чем она добавила: – Какое счастье!

– Нам повезло, – сказал Сын Стекольника. – Ты увидела меня, а я успел убедиться в том, что мой панцирь и латы в полном порядке. А теперь мне пора! Кто знает, может быть, мы еще когда-нибудь встретимся. А если нет... Ну, что ж! Ведь самое главное – не забывать друг о друге.

Говорят, это была минута, когда все стекла в Немухине прощально зазвенели, так что некоторые пугливые люди вроде Пал Палыча вообразили, что началось землетрясение. Но на самом деле это просто значило, что сказка о Сыне Стекольника кончилась.

Он снова отправился странствовать, не дожидаясь, пока пройдет дождь.

Обсуждаем первую сказку и находим вторую

– Почему вы решили, что эта история не годится для моего Путеводителя? – спросил меня дядя Костя. – Как раз годится, и даже очень. Ведь это фактически история строительства Новой Пекарни, одного из самых красивых зданий в городе. Более того, это важная страница в истории хлебопечения. Но вот вопрос – многое ли вы выдумали? Иными словами, можно ли смотреть на эту рукопись как на достоверный источник? Заботкины действительно живут в Немухине, и я их прекрасно знаю. Таня действительно училась в Музыкальной Школе, и нет ничего удивительного в том, что мухинская ведьма превратила Марию Павловну в статуэтку. О Сыне Стекольщика я слышал: о нем могут рассказать хотя бы окна Новой Пекарни, прозрачные, как воздух. Но вот Николай Андреевич... Ведь он же был известным художником. Почему же Ночной Сторож не упомянул об этом ни слова? Я сам видел в Москве на Всесоюзной выставке его «Портрет жены художника», за который он получил Золотую Медаль.

– Вы правы, дядя Костя! Но может быть, об этом нам расскажет фрегат или медный самовар?

– На этот раз... Впрочем, расскажу по порядку.

При Музее был запасник – так называется помещение, в

котором хранятся предметы, которые ждут не дождутся, когда же их наконец выставят для обозрения.

Так вот, трудно даже вообразить, что творилось в этом запаснике! У старинного велосипеда завертелись колеса, большое и маленькое, когда мы вошли. Трехногое кресло наклонилось вперед, точно собралось улизнуть из запасника через открытую дверь. Китайские болванчики как по команде повернули к нам маленькие головки. Жаль только, что они не могли говорить! Может быть, они подсказали бы нам, где искать модель фрегата или пушечку елизаветинских времен? «Но на это мало надежды», — подумали мы с дядей Костей и одновременно вздохнули.

Однако надо было приниматься за дело, и, приладив сильную лампочку, при свете которой запасник стал выглядеть еще более запущенным и грязным, мы... Впрочем, не знаю, как назвать то, чем мы занялись! Дядя Костя пытался навести порядок, остававшийся беспорядком, а я крепко уснул после бессонной ночи в трехногом кресле, и мне приснилось, что дядя Костя, как муха, ходит по потолку, с грохотом отдирая доски.

Пожалуй, стоило бы открыть глаза, чтобы убедиться в этом, но как раз открывать глаза мне почему-то не хотелось, тем более что легче было представить себе, что грохочет во все не дядя Костя, а гром и льет дождь, а ведь даже начинающие врачи утверждают, что под шум дождя хорошо спится. Не знаю, как долго я спал, должно быть, полчаса или час, и

сон становился все крепче, потому что грохот сменился музыкой, похожей на нежный звон иголочек и осторожно присоединившейся к шуму дождя. Потом я услышал голос дяди Кости и, вскочив с кресла, увидел в его руках коробочку, покрытую черепаховой крышкой. Умиленным голосом дядя Костя пел старинный русский романс:

Кольцо души-девицы
Я в море уронил;
С моим кольцом я счастье
Земное погубил.

– Дядя Костя!

Мне, дав его, сказала:
«Носи! не забывай!
Пока твое колечко,
Меня своей считай!»

С тех пор мы как чужие!
Приду к ней – не глядит...

Но тут что-то щелкнуло и звуки-иголочки оборвались.

– Дядя Костя! Вы нашли музыкальную табакерку?

– Да. То есть нет! По-видимому, ей самой захотелось, чтобы я нашел ее, вот она и заиграла.

И он протянул мне маленький ящичек с черепаховой крышкой.

Не только для новой сказки, которую я сразу же стал искать, — даже для табака было очень мало места в этой музыкальной табакерке. Задняя стенка было проломлена, и внутри виднелись какие-то колесики, пружинки и молоточки. Развинтить ее дядя Костя мне не позволил, и ничего не оставалось, как отдать ее столяру, чтобы он починил стенку, а потом — в музыкальную мастерскую. «Но может быть, и то и другое, — подумалось мне, — может сделать Трубочный Мастер?»

Он уже прочел историю Сына Стекольщика и заметил, что строительство Новой Пекарни заслуживает более подробного описания.

— Но нельзя отрицать, — сказал он, — что кое-что Нилу Сокоратовичу все-таки удалось. Кстати, я просил Сына Стекольщика зайти и ко мне. Очевидно, в Немухине он был занят по горло. Ну-ка, покажите мне табакерку.

Он ее внимательно осмотрел и спросил:

— Вы ее выслушивали? Или вы думаете, что выслушивают только людей? — с торжеством сказал Трубочный Мастер и запустил под потолок по меньшей мере десять голубых колец дыма. Это означало, что он еще не разгадал, но почти разгадал то, о чем я не имел никакого понятия.

Правда, выслушивать табакерку он не стал, у него не было стетоскопа — так называется трубка, которую врачи приставляют к груди больных или здоровых. Но зато он осторожно

простучал каждую стеночку табакерки указательным пальцем.

Тук, тук, тук! На легкие удары отзывался еще более легкий звон иголочек. Он постучал и по сломанной стенке, и по черепаховой крышке. Потом пососал трубку, запустил в потолок еще одно большое кольцо дыма, – очевидно, это означало, что табакерку не стоило ни выслушивать, ни выстукивать, потому что в ней нет ничего, кроме валика, пружинки и молоточков. Но, помедлив, он снова взял ее в руки и на этот раз, постучав по дну, сказал многозначительно:

– Ага.

И действительно у него был серьезный повод, чтобы сказать «ага». Дно почти не отозвалось. Или, точнее сказать, отозвалось, но как-то нехотя, глухо.

– Дайте-ка мне отвертку, – сказал Трубочный Мастер и показал, где у него на полке с инструментами лежала отвертка.

Перевернув ящичек, он положил его на стол и осторожно стал отвинчивать дно. Первый винтик, второй, третий... Он еще не отвинтил четвертый, как я уже понял, что у табакерки не одно, а два дна, а между ними... Я не поверил глазам: между ними лежал маленький блокнот, выглянувший на свет с таким видом, как будто ему смертельно надоело лежать в табакерке.

Трубочный Мастер засмеялся, протягивая мне блокнот. И хотя мне очень захотелось расцеловать старика за этот сме-

лый шаг, на это я все-таки не решился.

Не моя старая лупа, а телескоп – вот что действительно пригодились бы мне, когда я стал разбирать буквы, похожие уже не на куриные, а на комариные следы. Мало того, многие строчки сползли вниз, как змейки, сердито теснившие друг друга. «И недаром, недаром, – подумалось мне, – Ночной Сторож, записав маленькие страницы маленькими буквами, умудрился засунуть блокнот в музыкальную табакерку». «В молодости Директор Немухинской Музыкальной Школы играл на ударных инструментах», – удалось мне прочесть на одной из первых страниц. По-видимому, это была музыкальная история. Но не будем забегать вперед! Скажу только, что мне удалось не только прочесть этот блокнот, но и переписать его, кое-что прибавив, а кое-что убавив, – разумеется, только на тех страницах, разобрать которые было решительно невозможно. Скажем, вступления не было, и мне пришлось написать его, без него многое было бы непонятно. Названия тоже не было, и хотя мне очень хотелось назвать эту историю «Рукопись, найденная в музыкальной табакерке», Ночной Сторож, без сомнения, назвал бы ее

Немухинские музыканты

Радуга в гостях

Первыми прилетели две зеленые птички. «Попугайи-неразлучники из Зоомагазина», – немедленно определил Петька. В Нему-хине был только один Зоомагазин, и Петька знал всех его обитателей – от золотых рыбок до белки Машки, крутившей свое колесико в клетке, висевшей на витрине.

Потом прибежал Дымчато-Розовый Пудель с Белым Мячом в зубах, конечно, из Дома Игрушки. Потом, развертываясь и шурша, у крыльца плавно спустился большой Ярко-Желтый Плакат, и Петька видел, как Варвара Андреевна распахнула дверь, чтобы он не измялся, влетая во флигель. Потом приковылял старый, лоснящийся Черный Фрак – надо полагать, из гардероба Немухинского Драматического Театра, а за ним явилась Кремовая Войлочная кавказская Шляпа.

Все это было очень странно, и Петька, сидевший на крыше сарая с книгой в руках, не удивлялся только потому, что был убежден в том, что при любых обстоятельствах мужчина должен оставаться невозмутимым. Но когда в открытое окно, неуклюже и как будто стесняясь, кое-как втиснулся из-

рядный Краешек Синего Неба, Петьке, очевидно, изменила невозмутимость, потому что от любопытства его стало буквально трясти. Прошло еще минут двадцать; больше никто не приходил и не прилетал, только Варвара Андреевна выглянула и сняла висевший на крыльце красный огнетушитель, и тогда Петька поставил перед собой вопрос. Он любил думать так: сперва ставил вопрос, а потом делал заключение. Вопрос был такой: зачем Варваре Андреевне зеленые попугаи, розовый пудель, желтый плакат, черный фрак и кремовая шляпа? Заключение было такое: никто, кроме Тани Заботкиной, не может ответить на этот вопрос.

И, не теряя времени, он отправился к Тане.

Они учились в разных школах, однако встречались часто и даже однажды ходили вдвоем в кино. Таня была девочка серьезная, начитанная, и Петька тоже старался читать, хотя ему больше нравилось дрессировать свою собаку – у него была огромная кавказская овчарка, которую звали Басар. После школы он решил остановиться на опасной профессии Укротителя Диких Зверей. Об этом он часто говорил с Таней, и вообще у них были интересные, содержательные разговоры. Например, когда он однажды прицепился к туристской «Волге» и промчался на лыжах через весь Немухин со скоростью 80 километров в час, Таня доказала ему, что это было глупо, и он согласился просто потому, что с Таней почему-то приятно было соглашаться. Потом однажды Петька сказал, что у девочек – куриные мозги. Таня залепила ему

пощечину, они подрались, и это тоже было интересно. Но когда в Музыкальной Школе появилась Варвара Андреевна, отношения у них немного испортились. Дело в том, что Таня стала говорить только о ней: вчера Варвара Андреевна сказала, что у Тани не получается трель, а сегодня – что получилась. Когда Варвара Андреевна входит в класс, кажется, что она плывет – такая у нее легкая походка. Петька слушал, уныло повесив нос. Он не знал, что такое трель, а что касается походки Варвары Андреевны, то, по мнению Петьки, она ходила, как цапля.

Теперь они разговаривали так:

Петька. Еду я вчера по Нескорой. Вдруг – крак! Заднее колесо – ни туда ни сюда.

Таня. А Варваре Андреевне в феврале исполнится двадцать два года, и мы решили подарить ей дирижерскую палочку.

Петька. Два километра тащил велосипед на горбу. Взмок, хоть выжми.

Таня. А Варвара Андреевна говорит, что ребятам, у которых по теории музыки будут пятерки, она начнет летом давать уроки гармонии.

Что оставалось Петьке? Терпеть. Ведь Таня, хоть ей было только двенадцать лет, была его старым другом.

Надо сказать, что не только Таня была без ума от своей учительницы.

Варвара Андреевна была высокая, тонкая, гибкая, с блед-

ным, нежным лицом. Когда она говорила даже самые обыкновенные вещи – «извините, пожалуйста» или «не правда ли, сегодня прекрасная погода?» – всем казалось, что откуда-то доносится музыка. Когда она смеялась, отчетливо слышались звуки челесты – есть такой музыкальный инструмент, напоминающий звон хрустальных бокалов. А когда сердилась, откуда-то мягко доносились аккорды тромбонов.

Словом, можно сказать, что она произвела на немухинцев сильнейшее впечатление. А это, между прочим, не так просто, как кажется.

О своих достопримечательностях немухинцы любят рассказывать неторопливо, подробно. К их числу относятся Старый Трубочный Мастер и футбольная команда класса «В», однажды сыгравшая вничью с донецким «Шахтером».

Теперь немухинцы надеялись, что в число достопримечательностей попадет Варвара Андреевна.

Петька пришел удачно. Таня занималась, так что у него было достаточно времени, чтобы подготовиться и кратко рассказать о том, что произошло: он считал, что, оставаясь невозмутимым, мужчина должен выражаться кратко.

– Сперва попугаи-неразлучники, заметь, зеленые, потом розовый пудель, черный фрак, белая шляпа, желтый плакат, красный огнетушитель и неопределенный кусок киселя, похожий на краешек неба.

– Ничего не понимаю. Петька терпеливо повторил.

– Ну хорошо, – сказал он. – Допустим, что попугаи загля-

нули, потому что они надоели друг другу, а пудель... Что с тобой?

Не слушая его, Таня смотрела в окно. Конечно, это было простым совпадением, но как раз в эту минуту над Немухином появилась радуга – широкая, мерцающая, плавно изогнутая, неожиданно соединившая новую телевизионную вышку с куполом Дворца пионеров.

– Значит, розовый, синий, черный, зеленый, белый, желтый и красный? – задумчиво спросила Таня. – Интересно, если бы Варвара Андреевна увидела эту радугу, она пригласила бы ее в гости?

Бамм! Бамм!

В молодости Директор Музыкальной Школы играл на ударных инструментах. Может быть, поэтому он считал, что в музыке самое главное – энергия и отчетливость.

– А какие же инструменты могут сравниться в этом отношении с ударными? – спрашивал он. – Смычковые? Или духовые? Нет и нет!

И он любил вспоминать о тех счастливых мгновениях, когда дирижер направлял на него свою палочку. Он вставал и – бамм! – ударял в блестящие медные тарелки.

Разумеется, он был очень доволен, что вся Школа – и даже весь город – в восторге от Варвары Андреевны, хотя иногда ему казалось, что о ней говорят слишком много. В Школе только и слышалось: «Варвара Андреевна, Варвара Андреевна!» Родители, которые всегда недовольны, не жаловались на нее и даже, как это ни странно, хвалили. В «Немухинском комсомольце» появилась заметка о том, что гармонию – есть такой предмет – преподает девушка, гармоничная во всех отношениях. На той же странице был помещен ее портрет, и в редакцию со всего Советского Союза полетели письма, обещавшие Варваре Андреевне счастливое будущее в качестве супруги инженера, акробата, штукатура, монтера и зубного врача.

Над одним из этих писем она задумалась, впрочем, только

на минуту: кузнец Иван Гильдебранд написал, что, если она позволит ему придумать для нее тысячу ласковых прозвищ, он сделает это, хотя кончил только среднюю школу и умеет гораздо лучше ковать, чем писать и читать.

Все это раздражало Директора и, главное, казалось ему удивительно несправедливым. Почему о нем, опытнейшем музыканте, рассчитывающем получить к пятидесятилетию звание Заслуженного Деятеля Искусств, в газетах ни слова?

Да, он был очень огорчен, но, как и полагается бывшему барабанщику, держался внушительно и подтянуто-строго. Но когда по немухинскому радио сообщили, что новая преподавательница обладает так называемым абсолютным слухом, то есть может отличать половину и даже четверть тона, он стал положительно неузнаваем. Прежде, лихо откинув поросшую пухом головку, он так и катался по Немухину на своих коротеньких ножках. А теперь ходил, оглядываясь и моргая. Прежде, когда он похлопывал себя по животу, слышался веселый, бодрый звук. А теперь – глухой, расстроенный, унылый.

Он ничего не имел против молодой учительницы, решительно ничего! Он желал ей добра и только добра! Но ему не хотелось всю ночь ворочаться с боку на бок и ежеминутно выключать радио из боязни, что кому-нибудь снова придет в голову похвалить Варвару Андреевну. И он придумал остроумный, дальновидный план, о котором решил рассказать своей любимой ученице Зине.

Скучная тайна

Тайны бывают разные – веселые, грустные, удивительные, смешные. У Зины Миленушкиной была своя скучная-пре-скучная тайна: она скрывала, что у нее разные уши. Правое было ухо как ухо. А левое – большое и плоское, как у летучей мыши. Чего только она не делала, чтобы спрятать его под своими прямыми рыжими волосами! Бант на ее голове всегда был завязан криво, а косы, в которые ей приходилось вставлять свинцовую проволочку, завернуты дугой на левое ухо. И все равно в классе ее звали просто «Ухо», что по отношению к такой вежливой девочке было по меньшей мере несправедливо.

Всем она говорила только приятное и даже, отвечая урок, с трудом удерживалась, чтобы не сказать учителю, как он хорошо выглядит, или учительнице, какое на ней сегодня хорошенькое платье. При этом она всегда немного извивалась, так что кое-кому приходило в голову, что она вовсе не семиклассница, а гусеница или даже змея. Но сама она никогда не думала о себе так плохо. Напротив, она была уверена, что во всем Немухине нет другой девочки, которая играла бы сразу на трех ударных инструментах и одновременно была бы так красива, умна и добра.

Директор начал с того, что похвалил Зину за успехи. Она сильно продвинулась, например по тарелкам, хотя «бамм»

у нее получается только с одним «м», а надо по меньшей мере с двумя. Потом он спросил, как у нее обстоит дело с гармонией, и очень расстроился, узнав, что по этому предмету у нее в четверти тройка.

– Разве можно так огорчать нашу дорогую Варвару Андреевну? – назидательно спросил он. – Ты должна дать мне слово, что в году у тебя будет по меньшей мере четверка.

И он с сожалением заметил, что, в сущности, очень мало знает Варвару Андреевну. В Немухин она приехала недавно, молодая девушка, одинокая, ни друзей, ни родных. Днем она занимается в Школе. Но что она делает по вечерам? Она живет на Нескорой, – между прочим, хорошая улица, по которой приятно гулять.

Зина заметила, что она любит гулять по Нескорой.

– Вот и прекрасно. А гуляя, тебе нетрудно будет время от времени останавливаться под окном Варвары Андреевны.

Зина сказала, что под окном у Варвары Андреевны растет бузина.

– Вот видишь, какая ты умная девочка! – воскликнул Директор. – Ведь если ты спрячешься в кустах бузины, не только Варвара Андреевна, но решительно никто тебя не увидит. Ты понимаешь, как человек, я просто не нахожу себе места, думая о ней. А как директор, я обязан интересоваться своими подчиненными, в особенности выдающимися, о которых говорят по радио и пишут в газетах.

«Где же музыканты?»

В комнате стояла такая тишина, что нечаянно зажужжавшая осенняя муха извинилась и замолчала – это была получившая хорошее воспитание муха. Но почему же в этой глубокой тишине Варвара Андреевна размахивала палочкой, точно дирижируя невидимым оркестром?

Перед ней стоял пюпитр, на котором лежали ноты. Глаза ее блеснули, нежные щеки разгорелись. Она была так хороша, что с первого взгляда становилось ясно, почему на ней хотели жениться инженер, акробат, зубной врач, штукатур, монтер и кузнец.

Но из кого же состоял оркестр, которым она управляла? Какую музыкальную пьесу исполняли безмолвные музыканты? И почему Варвара Андреевна так смутилась, когда Таня Заботкина заглянула в полуоткрытую дверь?

– Извините. Я брала у вас ноты, а сейчас у меня как раз свободное время, и я решила вернуть. Спасибо!

– Пожалуйста, Танечка, – ответила Варвара Андреевна.

– Я, кажется, некстати. Вы заняты?

– О нет. Я отдыхаю.

– Но вы дирижировали, когда я вошла?

– Может быть, – задумчиво сказала Варвара Андреевна. – Впрочем, да. Мы разучивали новый концерт.

«Но где же музыканты?» – подумала Таня.

Попугайи-неразлучники сидели на спинке стула, тесно прижавшись друг к другу, как и полагается неразлучникам. Розовый Пудель, вытаращив глазки, крепко держал в зубах Белый Мяч. Потертый Фрак из Немухинского Театра, надевший на плечики, висел на открытой дверце шкафа, а рядом с ним – Кремовая Шляпа. Полуразвернувшийся Желтый Плакат был приколот кнопками к спинке кровати, Огнетушитель стоял у стены, а Краешек Неба стыдливо подползал к форточке, – должно быть, ему хотелось удрать, пока на него не обращали внимания. Но вот что странно: у них действительно был такой вид, как будто они только что замолчали.

– Как тебе нравится мой оркестр, Таня?

– Варвара Андреевна, – сказала Таня, – вы говорили, что у меня почти абсолютный слух. Почему же я их не слышу?

Варвара Андреевна засмеялась – и сразу же откуда-то донесся легкий звон хрустальных бокалов.

– Ах, милая моя, – сказала она, – потому что ты просто способная девочка, а я Фея Музыки, которая слышит не только звуки, но и цвета – коричневый, черный, розовый, красный, желтый, синий, голубой, зеленый.

Разноцветный оркестр

Известно, что феи – и в особенности добрые феи – иногда поступают на работу и живут, как самые обыкновенные люди. Фея Вежливости и Аккуратности, например, получила даже персональную пенсию, прослужив чуть ли не сорок лет в Главной Палате Мер и Весов.

Нет ничего удивительного и в том, что Фея Музыки поступила в Немухинскую Музыкальную Школу. Цвета она слышала потому, что у нее был не абсолютный, а сверхабсолютный слух. Например, когда Варвара Андреевна осенью бродила по березовой роще, ей положительно приходилось закладывать уши: желтизна осенней листвы звенела в ее ушах, как звуки фанфары или высокой трубы.

Трудно себе представить, что, глядя на зеленых попугаев-неразлучников, она ясно различала спокойные звуки скрипки, а между тем это было именно так. Стоило ей в ясный день взглянуть на голубое небо, как до нее доносились нежные звуки тысячи флейт. Фиолетовый цвет она слышала так же ясно, как кларнетиста, играющего в Большом зале Московской консерватории. Синий был похож на виолончель, а делаясь темнее, звучал, как задумчивые, глубокие аккорды органа.

Зато зимой, когда начинал идти снег, она не слышала почти ничего: белый цвет был молчалив и годился в лучшем

случае для продолжительных пауз.

Директор напрасно беспокоился о ней – она ничуть не скучала в Немухине. Феи, как некоторые люди, вообще не знают, что такое скука. Просто у нее было много свободно-го времени, и, чтобы оно не пропадало даром, она устроила маленький разноцветный оркестр. Музыкальные пьесы для него она писала сама.

Почему же Варвара Андреевна попросила Таню никому не рассказывать о ее музыкантах?

– Ты понимаешь, я совсем не пуглива, – сказала она. – Я, например, не боюсь темноты. Когда я читаю «Дон-Кихота», мне всегда кажется, что и я могла бы войти в клетку льва. А нашего Директора я боюсь. У меня душа просто уходит в пятки, когда он поднимает свои тусклые глазки. Другой директор обрадовался бы, узнав о моем оркестре. А он рассердится и может даже уволить меня.

– Почему?

– Потому что учительнице музыки не полагается слышать цвета, если сам Директор слышит только звуки, да и то далеко не все. Ах! – Варвара Андреевна вздохнула, и откуда-то сразу же донеслась грустная музыкальная фраза. – Неужели мне придется уехать из Немухина и выйти замуж за штукатура, акробата, инженера, монтера, кузнеца или зубного врача? Ведь замужество, говорят, хлопотливое дело! Куда, куда! – сказала Варвара Андреевна Краешку Неба, который тем временем подобрался к форточке и стал похож на голубую пу-

шистую кошку, вставшую на задние лапы. – Репетиция не кончена! На место, мой милый, на место!

– Варвара Андреевна, вы заняты, я пойду, – поспешно сказала Таня. – Я никому не расскажу о вашем оркестре.

– Да, пожалуйста. Впрочем, если тебе очень захочется, ты можешь шепнуть кому-нибудь, что я – фея. Все равно этому никто не поверит.

В кустах бузины

От Варвары Андреевны Таня забежала к Петьке, и, хотя это было очень трудно, она сдержала обещание и не проронила ни слова.

– Попугаи заглянули к ней в гости, – сказала она. – Плукат залетел случайно, Черный Фрак нужен ей для школьного спектакля, а Войлочная Шляпа – потому что Варвара Андреевна собралась на юг. Ну, а Пудель прибежал к ней, потому что она купила его в Доме Игрушки.

– Допустим, – сказал недоверчиво Петька. – А Огнетушитель?

– Ах, Огнетушитель! Ему стало скучно висеть у крыльца, и он попросил Варвару Андреевну перевесить его куда-нибудь в сени.

– Возможно, – согласился Петька. – А откуда же взялся этот голубоватый кусок киселя?

– Да, кажется, там было что-то вроде киселя. Должно быть, Варвара Андреевна собирается переклеить обои.

О том, что она фея, Таня сперва ничего не сказала, а потом небрежно обмолвилась:

– Ты знаешь, а ведь она, кажется, фея.

Петька фыркнул и решил, что если даже Таня не придаст этой странной истории значения, значит, можно забыть о ней, по крайней мере, на время.

И Таня ушла, а он стал дрессировать Басара. Он клал ему на нос кусочек хлеба, и лохматый, рыжий, большой, как лошадь, Басар терпеливо ждал, когда Петька крикнет:

– Пиль!

Это значило, что хлеб можно съесть. Потом Басар исполнял команды:

– К ноге!

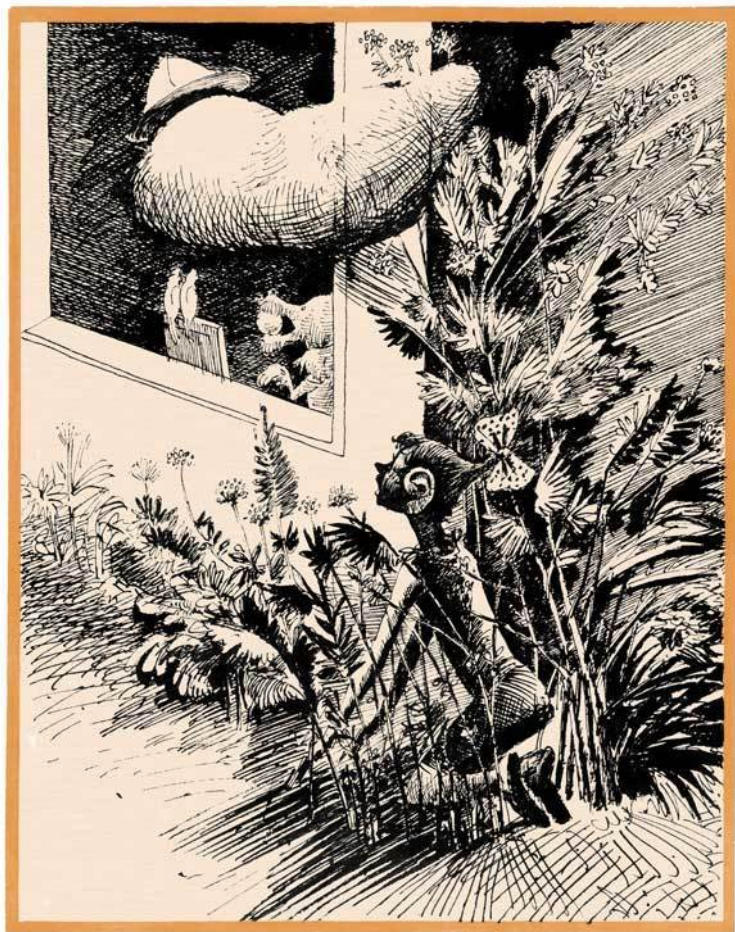
И он покорно шел рядом с Петькой.

– Кушь!

И он ложился у его ног, застенчиво виляя хвостом.

Но сегодня тренировка что-то не шла. Делая круг по двору, Басар остановился у калитки и залаял, а когда Петька усадил его на задние лапы, так скосился, что чуть не упал, и снова залаял, что могло означать только: «Внимание! Опасность! Враг у ворот!»

Но Петька не выглянул за ворота, как сделал бы на его месте любой немухинский школьник. Он влез на крышу сарая, чтобы предварительно изучить местность, и увидел флигелек, в котором жила Варвара Андреевна, а под окном, в кустах бузины... Как вы думаете, что он увидел в кустах бузины? Большое, плоское, красное ухо!

Конечно, это было ухо Зинки Миленушкиной, и другой

мальчик непременно принял бы его за гроздь бузины, тем более что оно пылало от любопытства. Но Петька сразу понял, в чем дело. Он слез с крыши, отдал Басару весь хлеб и сахар, приготовленный для дрессировки, посадил его на цепь и отправился к Зинке.

Она уже выскочила из бузины и шла по Нескорой как ни в чем не бывало.

– Петечка, это ты? Вот хорошо, что я тебя встретила! А я как раз была у Варвары Андреевны, и она мне вдруг говорит: «Не знаешь, Зинуша, кто этот симпатичный парнишка, который живет в соседнем дворе?» Я говорю: «Что вы, Варвара Андреевна, неужели вы не знакомы с Петей Воробьевым? Его же весь Немухин знает! Он вам нравится?» Она говорит: «Очень». А я говорю: «И мне, Варвара Андреевна. Вы знаете, какой он отчаянный! В прошлом году, например, он прицепился к туристской „Волге“».

Это было очень трудно – с ходу не дать Зинке пинка. Но Петька остался, как и полагается мужчине, невозмутимым.

– Лучше скажи, – спокойно начал он, – почему ты пряталась под окном Варвары Андреевны. Подслушивала?

– Ну что ты, Петечка! Она же одна! Не станет же она сама с собой разговаривать?

– Положим, – согласился Петька. – Значит, подглядывала.

– И не подглядывала. Просто подумала: зачем ей игрушечный пудель? Ну, попугай – это понятно. Моя бабушка, например, тоже любит птиц, вечно у нас чирикает какая-ни-

будь канарейка. Но ведь это совсем другое дело, правда? Это певчие птицы, бабушка слушает их и говорит, что это приятно. А ведь попугаи-неразлучники, они же, Петечка, не поют?

Если бы Таня рассказала Петьке о разноцветном оркестре, он после разговора поставил бы перед собой вопрос: «Зачем Зинка сидела под окном Варвары Андреевны?» И за ответом со всех ног помчался бы к Тане. Но он не поставил этот вопрос, потому что весь Немухин прекрасно знал, что Зинка любит подсматривать и подслушивать. На всякий случай он все-таки дал ей пинка, а потом вернулся к себе и снова принялся за Басара.

«Как бы мне ее подцепить?»

Надо думать, что Зина Миленушкина не один вечер провела под окном Варвары Андреевны, прежде чем догадалась, что новая учительница слышит цвета. А может быть, она просто подслушала, как Варвара Андреевна рассказывала Тане о своем разноцветном оркестре?

Так или иначе, однажды она явилась к Директору и не только доложила ему о Пуделе, Черном Фраке, Зеленых Попугаях, Кремовой Шляпе и других музыкантах, но даже изобразила, как Варвара Андреевна, дирижируя, стучит палочкой по пюпитру.

– Значит, когда она смотрит, скажем, на воробья, она его слышит? – спросил Директор. – Даже если он не чирикает?

– Да.

– А корову?

– Тоже.

– Даже если она не мычит?

Зинка сказала, что ей очень жаль, но, очевидно, слышит.

– Конечно, это зависит от цвета, – добавила она. – Если корова рыжая, Варвара Андреевна слышит одно, а если черная – совершенно другое.

– Позвольте, но это же не положено, – сказал Директор. – Ведь она должна заниматься не какими-то попугаями, а школьным оркестром. Под Новый год наш школьный ор-

кестр должен выступить во Дворце пионеров, причем среди приглашенных из столицы гостей будет лучший в Советском Союзе тромбон.

Он хотел сказать – лучший в Советском Союзе музыкант, играющий на тромбоне.

– Ну хорошо. Пусть она слышит цвета, это ее личное дело! Но собственный оркестр! Без разрешения Министерства Музыки и Изящных Искусств? Без моего ведома! Ох!

И чтобы немного прийти в себя, он попросил Зину несколько раз ударить в медные тарелки над его головой. Бамм! Этот веселый, раскатистый звук возвращал ему бодрость.

– Ну что ж, Зиночка, спасибо, – слабым голосом сказал он. – По тарелкам я ставлю тебе пять и по всем другим предметам – тоже пять до конца года. А теперь иди домой, моя милая. Мне надо немного подумать.

Он не пошел в Школу, заперся в своей комнате и стал думать. Но, как на грех, ни одна дельная мысль не залетала в его маленькую, покрытую пухом головку.

Пожалуй, проще всего было уволить Варвару Андреевну и взять на ее место другую учительницу гармонии. Но немухинцы не поймут такого поступка, а если он станет объяснять им, что учительницам не положено заводить на дому свой собственный, да еще разноцветный, оркестр, они скажут:

– Вот интересно. За что же тут увольнять? Пусть она луч-

ше выступит со своим оркестром в каком-нибудь клубе.

И тогда весь Немухин заговорит, что Варвара Андреевна по звуку может отличить желтый цвет от зеленого, а зеленый от голубого. Нет, здесь нужен совсем другой подход, более тонкий.

У Директора был превосходный сон – бывают же такие счастливые люди! Его не мог разбудить даже самый громкий будильник, и обычно он ставил на свой ночной столик два будильника, а иногда даже три. Теперь хватало и одного – так чутко стал он спать, размышляя с утра до вечера о Варваре Андреевне.

«Как бы мне ее подцепить?» – думал он грустно.

Но день проходил за днем, неделя за неделей. Уже первый мягкий снежок деловито разбросал свои звездочки по немухинским улицам и бульварам, а Директор ничего не мог придумать. Решительно ничего!

«Ведь, чего доброго, в конце концов не я, а она получит звание Заслуженного Деятеля Искусств. С ума сойти! Что же делать?»

Но вот однажды он проснулся с прекрасной мыслью, от которой у него сразу же стало весело на душе:

– Значит, немухинцы сказали бы: «Пусть она лучше выступит со своим оркестром в каком-нибудь клубе»? Отлично. Сегодня же я предложу ей выступить – и не в каком-нибудь клубе, а на новогоднем вечере во Дворце пионеров. Конечно, она не захочет махать своей палочкой в полной ти-

шине – ведь ее музыкантов никто не услышит. А когда она откажется, ей придется уйти из Школы и в лучшем случае выйти замуж за кузнеца, потому что ни зубной врач, ни акробат, ни даже монтер не захотят жениться на обманщице, которая утверждает, что она слышит цвета.

Плачут ли феи?

Если бы Варвара Андреевна в этот день засмеялась, никому не показалось бы, что он слышит звуки челесты, напоминающие звон хрустальных бокалов. Но она не смеялась. Весь Немухин заметил, что в этот день она была молчалива и очень грустна.

– Что случилось? – спрашивали ее другие учителя. И она отвечала:

– Благодарю вас, ничего не случилось.

– Ох, что-то мне кажется, что пора вам провести вечерок со мною, – сказал ей Старый Трубочный Мастер.

– Благодарю вас, с удовольствием. Как-нибудь в ближайшие дни.

Один из ученых, занимавшийся волшебниками и волшебствами, предположил, что феи плачут, как самые обыкновенные люди. Как ни странно, он оказался прав. Таня зашла в этот день к Варваре Андреевне и нашла ее в горьких слезах.

– Ах, Танечка, все так плохо, что я тебе и сказать не могу. Директор предложил мне выступить с моим оркестром на новогоднем вечере во Дворце пионеров.

– А вы?

– Я сказала, что у меня нет никакого оркестра.

– А он?

– Он сказал: «А что же делают у вас по вечерам Розовый

Пудель, Зеленые Попугаи, Черный Фрак, Красный Огнетушитель и Кремовая Шляпа?»

– А вы?

– А я растерялась и сказала: «Вы забыли о Желтом Плакате и Краешке Голубого Неба».

– А он?

– Он рассмеялся и говорит: «Вот видите!» И я, – глотая слезы, сказала Варвара Андреевна, – я согласилась.

– Как же так? – волнуясь, спросила Таня. – Ведь ваш оркестр не может играть. Его никто не услышит!

– В том-то и дело! Публика будет свистеть и топтать ногами. Конечно, меня любят в Немухине, и, может быть, публика будет тихо свистеть и еле слышно топтать ногами. Но все равно я умру от стыда.

– Варвара Андреевна, извините меня, я еще девочка и не должна вам советовать, – твердо сказала Таня. – Но мне кажется, что вы должны отказаться.

Варвара Андреевна подумала.

– Не могу, – упавшим голосом сказала она. – Я его боюсь. У меня просто душа уходит в пятки, когда я смотрю в его тусклые оловянные глазки.

Другая девочка поохала бы и ушла. Но Таня, прежде чем уйти, все-таки уговорила Варвару Андреевну написать Директору решительное письмо: «В конце концов, этот маленький оркестр был для меня отдыхом, развлечением. Нельзя же все-таки до такой степени не жалеть людей! К сожалению,

я вынуждена отклонить Ваше лестное предложение».

– Я отнесу ваше письмо, – сказала Таня. – А потом, Варвара Андреевна... если вы разрешите, я зайду к Старому Трубочному Мастеру.

– Зачем?

– Ну как же! Посоветоваться! Разве вы не знаете, что с ним советуется весь Немухин и что к нему иногда приезжает из Москвы сам Главный Хранитель Палаты Мер и Весов?

Она взяла письмо и решительно направилась к двери. И в эту минуту... Да, именно в эту минуту Петька включил свое радио на полную мощность.

«Дорогие немухинцы, – сказал по радио низкий добродушный голос. – Сегодня одно из последних известий будет одновременно и одним из самых приятных. Директор Музыкальной Школы только что сообщил нам, что Варвара Андреевна, та самая учительница гармонии, о которой мы не раз говорили по радио, согласилась под Новый год выступить со своим разноцветным оркестром во Дворце пионеров. Кстати, поговаривают, что Варвара Андреевна – фея. Подумайте, как интересно! Увидеть живую фею! Ждем, Варвара Андреевна! Кха, кха! С нетерпением ждем!»

Это интересно потому, что это действительно интересно

Старый Трубочный Мастер недаром сказал Варваре Андреевне:

– Ох, что-то мне кажется, вам пора провести вечерок со мной!

И это несмотря на то, что он в последние дни был очень занят. Он обкуривал свою новую трубку, а это надо делать в одиночестве, вдумчиво и серьезно.

– Ну, выкладывай, – сказал он Тане и, выслушав ее, стал пускать большие, волнистые кольца голубого дыма. Это значило, что хотя ему было известно почти все, что рассказала Таня, однако есть и кое-что новенькое, о чем стоило подумывать в свободное время.

– Отлично, – сказал он. – Пуф, пуф! Концерт состоится.

– Но ведь музыкантов никто не услышит?

– Почему же? Их услышат. Надо только выковать им голоса.

– Не понимаю.

– Еще бы, пуф, пуф! Это не так-то просто понять!

И он рассказал Тане, что в Поселке Любителей Свежего Воздуха живет кузнец, Иван Гильдебранд, который умеет выковывать голоса. Кстати, именно он написал Варваре Андреевне, что готов придумать для нее тысячу ласковых про-

звищ. Так что кому-кому, а уж ей-то он не откажет!

– А где находится этот Поселок? – спросила Таня.

– Недалеко. Но попасть туда нелегко.

– Почему?

– Да вот из-за Свежего Воздуха, – с досадой сказал Трубочный Мастер и на мгновение скрылся в клубах табачного дыма. – Эти любители, понимаешь, терпеть не могут ни дыма, ни чада. Паровозы, видите ли, их раздражают: дымят. От шоссе они отказались, так что на автомобиле к ним проехать нельзя. Попасть туда можно только пешком, верхом или на велосипеде.

– А на самолете?

– Нет.

– На воздушном шаре?

Трубочный Мастер не успел ответить: какой-то мальчишка в распахнутой курточке промчался, размахивая кнутиком, на финских санках, которые легко тащил большой лохматый пес с добродушной мордой. Это был, конечно, Петька, который, на зависть всем немухинским мальчишкам, носился по городу, то и дело залетая в канавы.

Он только промелькнул, но этого было вполне достаточно, чтобы и Таня и Трубочный Мастер подумали одновременно: «Вот кто должен отвезти в Поселок Любителей Свежего Воздуха разноцветный оркестр».

Нельзя сказать, что Петька обрадовался, когда Таня по-

просила его съездить к кузнецу Ивану Гильдебранду. Как очень занятой человек, он схватил в эту четверть две «пары», которые надо было исправить. Но, во-первых, ему давно хотелось доказать Тане, что он настоящий мужчина. А во-вторых, это было интересно, потому что это было действительно интересно.

Прежде всего он зашел к Трубочному Мастеру с атласом СССР, чтобы наметить кратчайший маршрут Немухин – Поселок Любителей Свежего Воздуха. А от него – к Варваре Андреевне.

– Докладываю, – сказал он. – Провизия заготовлена, включая так называемый аварийный запас. Отправление, если я не просплю, в четыре ноль-ноль. Маршрут намечен.

– Если бы ты знал, Петечка, как я тебе благодарна, – сказала Варвара Андреевна. Она выглядела совсем девочкой в своем коротеньком платье, с косой, уложенной вокруг головы. Может быть, увидев ее в эту минуту, Директор даже пожалел бы о своем коварстве.

– Теперь насчет музыкантов, – продолжал Петька. – Таня дала мне свой заплечный мешок. Но, во-первых, они туда не влезут, а во-вторых, я их по дороге переломаяю. Попугаи подохнут, Фрак изомнется, а Краешек Неба вообще не запихаешь в мешок. У меня предложение: давайте-ка лучше я привезу этого мастера к вам.

– Ну что ты, Петечка? Разве он поедет?

– А почему бы и нет? Ведь это, кажется, он собирался при-

думать вам тысячу прозвищ? Я, между прочим, подсчитал, что это практически невозможно.

— Вот что, Петечка, — сказала Варвара Андреевна, — на твоём пути встретится Обыкновенный Лесок. Но он не совсем обыкновенный, потому что в нём живет Леший, который может и не пропустить тебя, если ты ему не понравишься. Зовут его Трофим Пантелеевич. Он довольно симпатичный Леший и, между прочим, мой старый знакомый. Ты отвезешь ему от меня вот эту маленькую табакерку с нюхательным табаком. Он понюхает и чихнет. Тогда ты скажешь: «Салфет вашей милости». Он ответит: «Красота вашей чести». Потом ты скажешь: «Любовью вас дарю». А он ответит: «Покорно благодарю». И тут уж он, я надеюсь, покажет тебе дорожку через бурелом к Поселку Любителей Свежего Воздуха.

Салфет вашей милости

В школе Петька никому не сказал, что намерен отправиться на своем Басаре в далекую дорогу, – не потому, что его не отпустили бы, а потому, что пришлось бы долго объяснять, куда да зачем. Родителям он тоже ничего не сказал: мама, пожалуй, упала бы в обморок, а отец взял бы в руки ремень.

Поздно вечером он запряг Басара в свои финские санки, выехал на берег Немухинки и обрадовался, увидев Таню, которая дождалась, пока уснут взрослые, и пришла, чтобы его проводить.

Если бы он уходил на шхуне или фрегате, она сказала бы ему: «Счастливого плавания и достижений». Но к финским санкам и лохматому Басару не подходило это красивое пожелание. Поэтому она только протянула ему руку и сказала: – Пока!

Но все равно это было прекрасно! Когда Петька стоял на длинных полозьях и мчался вдоль извилистой речки, перед его глазами стояла Таня в своей короткой шубке, из-под которой были видны стройные ножки, разругавшаяся, с заиндевевшими, выбившимися из-под круглой шапочки волосами.

Прошло часа два, и Басар, должно быть, стал уставать, потому что раза два он сунулся мордой в снег, а потом с жадностью слизал его со своей мохнатой морды.

– Привал! – сказал Петька, и они остановились минут на пятнадцать, чтобы закусить и погреться. Впрочем, грелся, топая ногами и хлопая себя по плечам, только Петька, а от Басара и без того валил пар.

На географических картах Обыкновенный Лесок не значился, и это понятно, потому что в нем действительно не было ничего, заслуживающего внимания.

Немухинки на картах тоже нет, хотя она открыта давным-давно и по количеству пескарей стоит на одном из первых мест в средней полосе России. Так или иначе, Петька не мог заблудиться: он только время от времени покрикивал на свою добрую, безропотную собаку, и к утру, после еще одного привала, они с разбегу взлетели на снежное взгорье. И перед ними открылось такое зрелище, что если бы рядом с Петькой в эту минуту стояла Варвара Андреевна, она услышала бы музыку, которую не слышал еще ни один человек на земле.

На низком горизонте лежал спокойный медный ободок восходящего солнца, а под ним весело кувыркалось красно-желтое облачко, похожее на медвежонка. Ночь прошла, но это только казалось, на самом деле она спряталась в лес, со своим нежно светившимся снегом и побледневшей, усталой луной.

Однако надо было выбирать дорогу, и Петька недолго думая скатился с бугра и повернул направо, тем более что, куда

ни взгляни, везде был поваленный лес. Полозья звонко закрипели в тишине раннего зимнего утра, и неудивительно, что этот звук, вместе с возгласами, которыми Петька подбодрял Басара, привлек внимание старого знакомого Варвары Андреевны. Петька увидел его издалека, притормозил санки и помчался прямо к нему.

Это был маленький старичок с рыжевато-седой бороденкой, в потертом кожухе, из-под которого были видны штаны, засунутые в рваные красные валенки. На голове у него был солдатский треух.

– Здравствуйте, Трофим Пантелеич, – сказал ему Петька.

– Ну, положим, здравствуй, – хрипло ответил старичок.

Басар залаял на него, и старичок, попятившись, испуганно заморгал.

– Я, собственно, проездом. А это Басар, он не кусается. Извините, вы ведь, кажется, Леший?

– Ну, положим, – нехотя согласился старичок.

– Нет, я просто хотел передать вам привет от Варвары Андреевны.

Известно, что лешие не только улыбаются, но хохочут, причем у них отвратительный смех, похожий на скрежет тупой пилы по металлу. Но Трофим Пантелеевич весь так и засиял, услышав имя Варвары Андреевны, а когда он негромко засмеялся, закинув бороденку, оказалось, что у него совершенно человеческий, добрый смешок.

– Ну, как она, моя голубушка? Здорова ли? Что поделы-

вает? Каково ей живется?

Петька рассказал, что Варвара Андреевна здорова, живет в Немухине и преподает гармонию в Музыкальной Школе.

– Просила вас кланяться, – сказал он солидно, – и передать свой подарочек. Вот, – он достал из кармана табакерку и протянул ее старичку.

На этот раз Трофим Пантелеевич не только засиял, но весь как-то засветился, точно он был прозрачный и внутри у него зажглась большая свеча.

– Ну что за девушка! Обо всем-то она позаботится, обо всем подумает. Ведь я тут который год всякую дрянь нюхаю, грибы сушеные, мхи разные, а она на-поди – самый настоящий табачок прислала!

Он торжественно открыл крышку табакерки и осторожно насыпал щепотку на впадину левой руки между большим и указательным пальцем. Потом втянул табачок сперва в одну большую мохнатую ноздрю, потом в другую и так чихнул, что по всему лесу пошло:

«И-их! Э-эх! У-ух!»

– Салфет вашей милости, – степенно сказал Петька.

– Красота вашей чести, – радостно сморкаясь, ответил старичок.

– Любовью вас дарю.

– Покорно бла...

И только он вымолвил «благодарю», как «И-их! Э-эх! У-ух!» так и зазвенело в лесу, пугая птиц и зверей, и докати-

лось до берлоги залегшего на зиму старого медведя, который сонно насторожил ухо и уже совсем было собрался проснуться, но раздумал и опять захрапел.

– А теперь прошу пожаловать ко мне в гости, – сказал Леший.

– Спасибо, не могу. Очень тороплюсь. Не можете ли вы показать мне дорогу, которая ведет к Поселку Любителей Свежего Воздуха?

– А чем тебе здесь, в лесу, не свежий воздух? Пожил бы у меня. Мы бы с тобой на охоту ходили. У меня ружьецо есть. Правда, старое, но бьет без промаха и белку, и всякую дичь. Право, остался бы, а?

– К сожалению, не могу. Времени в обрез. Скажу только одно: спешу по делам Варвары Андреевны.

– Ну, это другое дело. Тогда пойдем. Только вот что... – Он помолчал. – Ты не можешь как-нибудь устроить, чтобы твоя собака не лаяла? У меня просто сердце падает, когда она лает.

– Басар, ни звука! – повелительно сказал Петька, взглянув собаке прямо в глаза.

Басар кивнул, и они стали пробираться по чуть заметной тропинке, которую старый Леший не без труда нашел среди бурелома.

Иван Гильдебранд

На первый взгляд Поселок Любителей Свежего Воздуха ничем не отличался от любого другого поселка. Странно было только, что почти в каждом доме, несмотря на сильный мороз, окна были распахнуты настежь.

Над дымовыми трубами торчали белые колпаки, похожие на поварские, а над колпаками струился нагретый воздух, красиво таявший на морозном солнце.

– Фильтруют дым! – научно определил Петька.

Как в любом поселке, на Главной улице стоял сельсовет, на котором так и было написано «Сельсовет», чтобы никто не спутал его с пожарной командой или сельмагом. По сторонам этой надписи висели два плаката. На одном Петька прочитал: «Курильщики – вон!» А на другом: «При запахе прогорклого масла немедленно вызывайте скорую помощь».

И действительно, в воздухе, пронизанном откуда-то взявшимся голубоватым светом, не было ни пылинки, ни дыма, ни чада. Народу на улице было немного – очевидно, Любители были заняты делом. Прохожие – это бросалось в глаза – все, как один, были высокого роста и одеты очень легко. О шубах не было и помину. И они не бежали сломя голову, чтобы согреться, а шли неторопливо, с любопытством поглядывая на Петьку, который в своем ватничке и шапке с ушами чувствовал себя, глядя на них, каким-то Дедом Морозом.

Они напоминали ему «моржей» – так называются смельчаки, которые купаются в проруби зимой и даже устраивают состязание на скорость; в прошлом году на зимних каникулах он видел в Ленинграде такое состязание «моржей».

Вот громадный мохнатый битюг протащил тяжело нагруженную мешками телегу, а вот на стройной гнедой лошадке проехал не торопясь один из Любителей, в спортивной кепке, такой круглолицый и румяный, что можно было, пожалуй, дать ему лет двадцать, в то время как ему, без сомнения, было за сорок.

– Виноват, – вежливо сказал ему Петька, – не можете ли вы сказать, где живет кузнец Иван Гильдебранд?

Всадник подумал, улыбнулся и ответил сложно – очевидно, он любил загадки:

Кузнец без горна – не кузнец,
Огонь без дыма – не жилец.
Сбежали на восточный край
Колпак, подкова и сарай.

И, легко тронув повод, он проехал дальше.

Как ни странно, но Петька легко разгадал эту загадку: через несколько минут он с разбегу подкатил к небольшому каменному строению на краю поселка. Ворота его были распахнуты, а колпак над дымовой трубой был украшен подковой. Это значило, без сомнения, что именно здесь живет Иван Гильдебранд.

Как правило, кузнецы бывают коренастые, широкоплечие, с мускулистыми руками и ногами, как будто выкованные из железа. А навстречу Петьке вышел тоненький молодой человек, белокурый, с голубыми глазами, похожий на рыцаря, хотя на нем был длинный кожаный передник, подпоясанный ремешком. В правой руке Иван Гильдебранд держал клещи, которыми он сжимал узкую, раскаленную, похожую на лепесток стальную пластинку.

– Виноват, одну минуту, – сказал он и вернулся в кузницу, где его ждал подмастерье.

И работа пошла на диво легкая, быстрая, веселая, с искорками, вздохами мехов и пением. Пел Иван Гильдебранд, и, хотя в кузнице было очень шумно, Петька постепенно стал различать слова, тем более что между ними попадалось знакомое имя.

Беляночка, Варварушка, давно ли
Ты для меня на свете расцвела?
Что нравится тебе – вино ли,
Бухарский шелк, лаванда, мушмула?

Подмастерье раздувал мехи, горн пылал, кузнец ловко орудовал маленьким молоточком, и Петька с удивлением заметил, что пластинка постепенно превращается в розовый лепесток.

Красавица, Зазнобушка, Жар-птица,

Боярышня, Дружочек, Чистый Снег,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.